

Глава VIII

В.В. РАДЛОВ — ДИРЕКТОР-РЕФОРМАТОР

Немецкий исследователь Фридрих Вильгельм Радлов (1837–1918) получил образование на философском факультете Берлинского университета. В студенческие годы серьезно увлекся лингвистикой и стал изучать восточные языки. Летом 1858 г. Ф.В. Радлов отправился в Россию, в мае 1859 г. принял присягу на русское подданство и получил имя — **Василий Васильевич Радлов**. С 1859 г. он жил в Барнауле, где изучал этнографию, фольклор и языки тюркских народов, в 1872 г. занял должность инспектора мусульманских школ Казанского учебного округа. 7 ноября 1884 г. В.В. Радлов был избран ординарным академиком по истории и древностям азиатских народов, с этого времени он постоянно жил в Санкт-Петербурге. В 1885–1890 гг. являлся директором Азиатского музея, соответственно у В.В. Радлова был опыт музейной работы.

16 марта 1894 г. на объединенном заседании физико-математического и историко-филологического отделений ИАН В.В. Радлова единогласно избрали директором МАЭ. Ознакомившись с работой музея, он начал его преобразование в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций, выставочной и научной деятельности. К тому времени «тысячи предметов датировались еще временами Петра Великого и его Кунсткамеры. Документы к ним давно погибли или не были известны; редкие старинные этикетки носили загадочные номера, ничего не говорившие регистратору. Огромные коллекции Адмиралтейского департамента и И.Г. Вознесенского имели кое-какие описи, но, вследствие отсутствия нумерации на самих предметах, требовались огромные усилия, иногда остававшиеся бесплодными, чтобы подыскать предметы, соответствующие описям» [Музей 1917: 248].

Прежде всего необходимо было решить, по какому принципу проводить регистрацию коллекций. Для знакомства с организацией музейного дела летом 1894 г. В.В. Радлов посетил Хельсинки,

Стокгольм, Копенгаген, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Вена, Париж и Лондон. Наиболее удачной ему показалась система регистрации в Королевском музее Копенгагена, где каждая вновь поступающая коллекция получала общемузейный номер, а предметы внутри нее — номер коллекции и порядковый номер для каждого предмета. По этому принципу с 1896 г. началась регистрация собрания МАЭ. К вновь поступающим коллекциям стали составлять описи, которые представляли собой лишь расширенные списки предметов. Их отличие от рабочих документов Ф.К. Руссова состояло в том, что описи стали официальной музейной документацией. Старым коллекциям, зарегистрированным в период с 1837 по 1890 г. (№ 2, 7, 12, 19, 34, 38, 56, 59, 185, 201 и др.), при перерегистрации дали новые музейные номера. При этом ряд коллекций (№ 42, 78, 81, 91, 107, 122 и др.) так и не перерегистрировали, и за ними до наших дней сохранились первоначальные номера. Большинство из них составляют иллюстративные собрания, но среди них есть и вещевые коллекции.

За коллекциями, поступившими в 1891–1895 гг., также оставили старые музейные номера — 211, 229, 232 и т.д., но начиная с 1896 г. отдельным предметам внутри этих коллекций дали двойные номера. Как отмечалось, в 1891 г. в МАЭ поступила коллекция по тлинкитам от миссионера Г. Чудновского, в 1896 г. зарегистрировали ее отдельные предметы, которые получили номера 211-1, 211-2, 211-3 и т.д. В 1897 г. зарегистрировали отдельные предметы коллекции № 337, также поступившей в 1891 г. Такое разделение американских коллекций объясняется тем, что коллекции по № 201 были выставлены на экспозиции, открытой в 1891 г., а коллекции начиная с № 211 находились в фондах. Именно с них и начали регистрацию, так как эти вещи не надо было вынимать из витрин и для этого закрывать экспозицию.

Сотрудники музея

В конце 1894 г. ученый хранитель Ф.К. Руссов тяжело заболел, он «хотя и прожил еще после этого довольно долго, но в Музей мог являться только изредка, и то лишь на короткое время» [Музей 1917: 247]. Поэтому В.В. Радлов был вынужден принимать сотрудников для выполнения временной работы: «Приходилось прибегать к случайным регистраторам, совершенно незнакомым

с делом, которые требовали беспрестанного руководства и обучения. Это была тяжелая работа по целым дням среди атмосферы пыли, затхлости и ядовитых дезинфекционных препаратов» [Штернберг, Ольденбург 1907: 35].

Карл Карлович Гильзен (1864–1918) начал работать в музее в 1892 г. как внештатный помощник Ф.К. Руссова. В 1893 г. на свои средства он совершил поездку в США, где познакомился с коллекциями нескольких американских музеев и посетил резервацию индейцев сиу. В 1896 г. начал регистрацию североамериканского собрания МАЭ. Для каждого предмета К.К. Гильзен сделал карточку, где записал его название, номер временной и постоянной регистрации и этническую принадлежность. Также в карточку вклеивались все музейные этикетки, имеющиеся к отдельному предмету. В 1899 г. К.К. Гильзен участвовал в работе VII Международного географического конгресса, проходившего в Берлине. Во время пребывания в Германии он изучал североамериканские коллекции берлинского Музея народоведения. С 1900 г. К.К. Гильзен был действительным членом ИРГО. В период с 1896 по 1903 г. он зарегистрировал 829 североамериканских предметов МАЭ, другие сотрудники в этот период зарегистрировали 136 предметов. Всего в музее в 1889 г. числилось 2218 предметов по народам Северной Америки. Также К.К. Гильзен готовил к печати биографию И.Г. Вознесенского, но опубликовал только краткий очерк о его экспедиции в Русскую Америку [Гильзен 1916]. До 1903 г. он работал в Дворянском земельном банке, затем по делам службы переехал в Симбирск, в 1911 г. вышел в отставку и вернулся в столицу. В 1912 г. В.В. Радлов принял К.К. Гильзена в постоянный штат МАЭ.

В.В. Радлов не боялся привлекать к работе в государственном академическом музее бывших политических ссыльных-народовольцев — «этнографов поневоле». Многие из них длительное время жили среди народов Сибири, изучали их культуру и язык, тем самым на практике осуществляя главную идею народовольческого движения — «хождения в народ». В 1891 г. В.В. Радлов работал в составе Орхонской экспедиции вместе с Д.А. Клеменцем, он высоко оценил профессиональные качества своего спутника-народовольца.

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) в 1890–1894 гг. был «правителем дел», то есть секретарем, Восточно-Сибирского

отделения ИРГО в Иркутске, он участвовал в организации Сибиряковской (Якутской) экспедиции 1894—1897 гг. Для проведения научных исследований в состав этой экспедиции Д.А. Клеменц привлек Владимира (Вениамина) Ильича Иохельсона (1855—1937), Владимира Германовича (Натана Менделевича) Богораза (Богораз-Тана, Тана, Тан-Богораза, 1865—1936), Эдуарда Карловича Пекарского (1858—1934), Ивана Ивановича Майнова (1861—1936), Всеволода Михайловича Ионова (1851—1922) и других ссыльных народовольцев. В 1896 г. В.В. Радлов принял Д.А. Клеменца на постоянную работу в МАЭ на должность консерватора. Приглашение Д.А. Клеменца в музей повлияло на развитие этнографии в России в последующие три десятилетия. С этого времени многие народовольцы стали рассматривать занятие этнографией как способ своего дальнейшего трудоустройства в музеях, университетах и научных обществах.

Лев Яковлевич Штернберг (Хаим-Лейба Штеренберг, 1861—1927) также в молодости был народовольцем. В 1885 г. вместе с В.Г. Богоразом он участвовал в организации последнего съезда «Народной воли» в Екатеринославле (Днепропетровске). В 1886 г. Л.Я. Штернберга арестовали, в 1889—1897 гг. он отбывал ссылку на острове Сахалин, где занимался изучением нивхов и айну. По возвращении из ссылки Л.Я. Штернберг вернулся домой в Житомир. Свои этнографические коллекции он отправил в МАЭ. В письме от 5 декабря 1898 г. Л.Я. Штернберг просил помощи В.В. Радлова в получении разрешения на временное проживание в Санкт-Петербурге. Из-за ценза оседлости, будучи иудейского вероисповедания, жить и работать в Санкт-Петербурге Л.Я. Штернберг не мог. Не получив ответа, он обратился за содействием к Д.А. Клеменцу. В середине 1899 г. из ИАН поступило ходатайство в Департамент полиции о предоставлении Л.Я. Штернбергу разрешения на временное проживание в столице. В конечном итоге он получил разрешение на проживание в Санкт-Петербурге на период с 1 сентября по 1 декабря 1900 г., после чего вернулся в Житомир. Казалось, что его научная карьера закончилась, так и не начавшись, ему было сорок лет, университет он не окончил. Не найдя для себя применения в столице, Л.Я. Штернберг собирался уехать из России. Тем временем в середине 1901 г. положение с кадрами в МАЭ резко изменилось. В январе 1902 г. был открыт этнографический отдел Русского музея императора Александра III, на долж-

ность его руководителя был назначен Д.А. Клеменц, вместе с ним МАЭ покинул Н.М. Могилянский, поэтому В.В. Радлову было необходимо найти новых сотрудников. После долгих бюрократических проволочек в конце 1901 г. В.В. Радлов принял Л.Я. Штернберга на временную работу для регистрации коллекций. Более полугода он работал «приватно», без жалования, а когда 9 июня 1902 г. получил диплом о высшем образовании, то его перевели в постоянный штат на должность младшего этнографа. 20 мая 1903 г. Л.Я. Штернберг дал расписку в том, что «к масонским ложам и другим тайным обществам он не принадлежал, не принадлежит и впредь к оным обязывался не принадлежать» [Матвеева 2014: 93].

В период руководства музеем В.В. Радлов оказывал различное содействие другим бывшим народовольцам: Э.Ю. Петри, Э.К. Пекарскому, В.М. Ионову, В.З. Немчинову, Б.О. Пилсудскому, В.Л. Серошевскому, С.М. Дудину, В.И. Иохельсону, В.Г. Богоразу и членам семей народовольцев: Е.Н. Клеменц, Е.Л. Петри, Б.Э. Петри, С.А. Ратнер-Штернберг, В.Н. Васильеву.

* * *

В связи с предстоящим двухсотлетним юбилеем основания Санкт-Петербурга В.В. Радлову удалось добиться увеличения числа сотрудников музея и расширения его экспозиционных площадей: «Чтобы провести такое дело, как увеличение штатов, необходимо, и то с надлежащего разрешения, предпринять целый ряд разведок, подавать записки, убеждать и, только добившись предварительного согласия Министерства финансов, входить с соответствующим представлением» [Штернберг, Ольденбург 1907: 41]. После того как в 1902 г. штат был увеличен и МАЭ получил в свое распоряжение музейное здание в Таможенном переулке, В.В. Радлов решил подготовить новую экспозицию. Главным недостатком экспозиции 1891 г. было то, что при ее оформлении Ф.К. Руссов расставил вещи в шкафах по «чуждым этнографии требованиям эстетики и симметрии» [Там же: 32]. Для создания экспозиции в 1902–1903 гг. провели сверку коллекций, музейное собрание сначала разделили по частям света: Америка, Африка, Австралия и Океания и т.д., а затем по «культурно-этническим группам»: народы Дальнего Востока России, народы Северо-Восточной Азии, народы Аляски и т.д. Эта работа позволила выявить пробелы в собрании музея по населению ряда стран и регионов. Оказа-

лось, что среди североамериканских коллекций, кроме народов Русской Америки, имеется лишь около десятка предметов по «канадцам» и около сорока по ирокезам. Что касается коллекций по народам Центральной и Южной Америки, то население этого региона было представлено всего 257 предметами.

В.В. Радлову приходилось преодолевать многочисленные бюрократические преграды: «Три условия тормозили дело развития музея: скудный бюджет, недостаток ученого персонала и тесное помещение. Настойчиво, шаг за шагом <...> В.В. Радлов устраняет эти препятствия» [Там же: 39]. Еще в 1899 г. в Риме во время работы XII Международного конгресса востоковедов В.В. Радлов выдвинул идею создания Международного комитета для изучения Средней и Восточной Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Это предложение было поддержано участниками конгресса. В 1902 г. в Гамбурге на XIII Международном конгрессе востоковедов было принято окончательное решение о создании Международного комитета. В 1903 г. В.В. Радлов организовал его отделение в России, которое он назвал «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», и подготовил его устав. Он включил в устав пункт, по которому все коллекции, собранные участниками экспедиций Русского комитета, поступали в МАЭ. Русский комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у В.В. Радлова появились свободные средства для организации полевых исследований среди народов Азии как в России, так и в других странах. Л.Я. Штернберг был избран в состав Русского комитета 19 марта 1903 г.

Ф.К. Руссов, будучи тяжело больным, работал в музее только периодически. Е.Л. Петри вспоминала: «К своим новым сотрудникам Руссов относился всегда внимательно, предупредительно идя им навстречу при всяких возникших затруднениях. Его всегдашняя любезность и тактичность помогали ему скрыть ту трагедию, которая на самом деле происходила в его душе. <...> Создание рук Руссова (экспозиция 1891 г. — С.К.) постепенно рушилось на его глазах. Детище, которым он нераздельно владел в течение сорока лет, переходило в чужие руки. <...> Последние два года (работы в МАЭ в 1903—1904 гг. — С.К.) он не покидал уже дома. Но он до конца сохранил к музею теплые чувства и искренне радовался

той интенсивной жизни, которую зажило его любимое учреждение» [Петри 1911: 7–8].

Бруно Фридрих Адлер (1874–1942) работал в музее в период с 1902 по 1911 г. и отвечал за коллекции по народам Китая и Японии. До поступления в МАЭ, в 1901–1902 гг., Б.Ф. Адлер был сотрудником Музея народоведения при Лейпцигском университете. По поручению В.В. Радлова летом 1903 г. Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг посетили Германию для знакомства с организацией музейного дела. При установлении партнерских отношений с зарубежными коллегами большую роль сыграли давние связи В.В. Радлова с научным миром Германии и других европейских стран. В Лейпциге Б.Ф. Адлер установил деловые контакты с Германом Мейером (H. Meyer, 1869–1932) — братом известного путешественника Ганса Мейера (1858–1929). Герман Мейер в течение 1895–1896 и 1898–1899 гг. проводил исследования в Бразилии и Эквадоре среди племен ауэти, бакайри, кабиши, камаюра, мехинаку, трумаи, хиваро, яулапити, населявших район верховий реки Шингу. Г. Мейер писал: «Предметы принадлежат народностям, которые частично только посредством моего посещения, в первый раз имели дело с белыми. Эти племена до этого времени не знали железа и изготовляли свои орудия из камня, кости, зубов и дерева» (цит. по: [Соболева 2011: 52]). Коллекция Г. Мейера (№ 785) из 206 предметов поступила в музей осенью 1903 г.

Герман Мейер оказал МАЭ существенное содействие: он оплачивал покупку и транспортировку коллекций, финансировал проведение экспедиционных исследований, оказывал помощь в установлении деловых контактов с зарубежными учеными и коллекционерами. В частности, Г. Мейер договорился с инженером Оскаром Менгельбиром (Oscar Mengelbier) из города Аахен о продаже его коллекций в МАЭ. О. Менгельбир с конца 1880-х годов работал в Чили, Перу и Боливии. Для осмотра его коллекции в 1904 г. в Аахен приезжал Б.Ф. Адлер. Собрание О. Менгельбира из 698 предметов традиционной культуры арауканов, огнеземельцев, аймара и археологических находок было приобретено за восемь тысяч марок (№ 845 и 846): «Кроме объектов чисто этнографических, рисующих прошлое и настоящее быта южноамериканских народов, коллекции эти заключают в себе до 200 предметов перуанских древностей (преимущественно предметов гончарного искусства времен инка)» [Там же]. Из вещей арауканов

в коллекции были представлены ткацкий станок, образцы тканей, ковры, большой набор пончо, головные уборы, орнаментированные пояса, домашняя утварь. Вещи огнеземельцев О. Менгельбир собрал в районе Магелланова пролива у Пунта-Аренас и на острове Исабель. В коллекцию № 846 вошли серебряные изделия арауканов.

Заслугой В.В. Радлова является то, что он смог организовать процесс поступления новых коллекций, что выразилось в поиске партнеров за границей, установлении обменных связей с европейскими и американскими музеями, финансировании экспедиции зарубежных исследователей. В период 1903—1915 гг. МАЭ ежегодно получал сотни (а в некоторые годы — и тысячи) предметов по культуре народов Америки.

Участие в организации Джезуповской экспедиции

В январе 1898 г. сотрудник Американского музея естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) Франц Боас (F. Boas, 1858—1942) обратился с письмом к В.В. Радлову. Он просил порекомендовать русского ученого для проведения исследований среди народов Северо-Восточной Сибири в составе американской Джезуповской экспедиции. Как отмечалось, в МАЭ работал бывший народоволец Д.А. Клеменц, по его рекомендации для работы в музее в качестве волонтера в январе 1898 г. был приглашен В.И. Иохельсон. Через много лет В.И. Иохельсон вспоминал о роли Д.А. Клеменца в становлении своей научной карьеры: «В 1875 г. он повлиял на направление моей революционной деятельности, а через 20 лет <...> привлек меня к участию в “Якутской экспедиции” на средства Сибирякова и этим открыл мне научную карьеру» [Иохельсон 1922: 47].

Оценив профессиональные качества В.И. Иохельсона, В.В. Радлов рекомендовал его Ф. Боасу для участия в Джезуповской экспедиции. В.И. Иохельсон в свою очередь стал привлекать в состав экспедиции своего друга В.Г. Богораза, который в то время находился в ссылке в Сибири. В апреле 1898 г. В.И. Иохельсон уехал в Швейцарию. Осенью в Берлине произошла личная встреча Ф. Боаса с В.В. Радловым и В.И. Иохельсоном. Ф. Боас был заинтересован в проведении исследований среди береговых чукчей и после долгих размышлений согласился на участие В.Г. Богораза

в Джезуповской экспедиции. В феврале 1899 г. В.Г. Богораз приехал в Санкт-Петербург, В.В. Радлов поручил ему сделать научное описание нескольких коллекций из сборов московского антрополога и этнографа Николая Львовича Гондатти (1860–1946). В.Г. Богораз работал в МАЭ «приватно», как волонтер, жалования ему не платили. Неоднократные утверждения в публикациях разных авторов о том, что с 1899 г. В.Г. Богораз был сотрудником МАЭ, не подтверждаются документами.

Н.Л. Гондатти три года, 1894–1897 гг., провел на Чукотке. Он выучил язык чукчей, провел перепись местного населения от Анадыря до мыса Дежнева, изучил его быт и собрал многочисленные коллекции. В.Г. Богораз считал, что коллекция Н.Л. Гондатти, поступившая в МАЭ, целиком состоит из вещей чукчей. Однако знакомство с этой коллекцией позволяет предположить, что часть ее предметов принадлежит азиатским эскимосам, селения которых Н.Л. Гондатти посетил в 1895 г. [Гондатти 1898]. Так как Н.Л. Гондатти знал язык чукчей, он понял, что жители некоторых селений на северо-востоке Чукотки говорят не на чукотском, а на другом языке и свободно общаются с американскими эскимосами, приезжающими с Аляски. Поэтому он сделал вывод, что жители селений Сиреники, Унгазик и Наукан являются не чукчами, а особой ветвью сибирских эскимосов. В 1895 г. свои лингвистические материалы Н.Л. Гондатти отправил в Москву востоковеду и лингвисту Всеволоду Федоровичу Миллеру (1848–1913), который на основе этих сведений опубликовал статью «Об эскимосских наречиях Анадырского округа (на основе материалов, собранных Н.Л. Гондатти)» [Миллер 1897]. В.Ф. Миллер впервые ввел в научный оборот этноним «азиатские эскимосы» и доказал, что береговые чукчи и азиатские эскимосы — это два разных народа. При описании коллекции Н.Л. Гондатти В.Г. Богораз не использовал статью В.Ф. Миллера, поэтому он не знал, что на крайнем северо-востоке Чукотки живут эскимосы. В.Г. Богораз полагал, что поселок Наукан населяли чукчи [Михайлова 2004: 109]. Его статья с описанием коллекции Н.Л. Гондатти вышла в 1901 г. в первом томе «Сборника МАЭ» [Богораз 1901].

Задача Джезуповской экспедиции состояла в сравнительном изучении народов Северо-Восточной Азии и Аляски. Ф. Боас считал, что предки индейцев заселили Америку через район Берингова пролива. После начала ледникового периода они оказались

оторванными от народов Азии. По мере таяния ледникового щита древние индейцы стали двигаться на северо-запад, перешли Берингов пролив и заселили Чукотку и Камчатку. Из концепции Ф. Боаса получалось, что чукчи, коряки и ительмены — это потомки древних мигрантов из Америки. На основе каких конкретных данных Ф. Боас разработал эту концепцию, сейчас сказать трудно. Как упоминалось, в XIX в. европейские лингвисты полагали, что чукчи и американские эскимосы говорят на одном языке.

В 1900—1901 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением коряков и юкагиров, В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов. В период со 2 мая по 7 июня 1901 г. последний работал в эскимосских селениях Чаплино на Чукотке и Гэмбелл на острове Св. Лаврентия на Аляске. В.Г. Богораз сделал несколько десятков фотографий типов эскимосов, собрал этнографическую коллекцию и записал образцы эскимосского фольклора, которые были изданы в США [Vogoras 1913]. В.Г. Богораз старался четко выполнить установки Ф. Боаса. Поиск параллелей в культурах народов Северо-Восточной Азии и Аляски привел к ряду заблуждений, которые длительное время существовали в отечественной американистике. Прежде всего речь идет о теории непрерывной «азиатско-американской цепи народов», состоящей из предков ительменов, коряков, чукчей, атапасков и тлинкитов, которую разделил «эскимосско-алеутский клин». В отношении азиатских эскимосов В.Г. Богораз употреблял этноним «юит», другие исследователи это название не использовали. Следуя за работами американских исследователей, В.Г. Богораз нашел у азиатских эскимосов особый «шаманский язык» и мифологическую хозяйку моря по имени Седна, несмотря на то что это имя отсутствует в их языке. Чукчей он отнес не к сибирскому, а к «американоидному» антропологическому типу, характерному для коренного населения Северной Америки.

В целом, ставка на участие в Деззуповской экспедиции бывших политических ссыльных В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз оправдалась. Вашингтонский Национальный музей естественной истории (НМЕИ) при Смитсоновском институте также проводил полевые исследования в Сибири. В 1912 г. НМЕИ организовал экспедицию Алеша Хрдлички (1869—1943) в Сибирь и Монголию для проведения антропологических исследований. В 1914 г. НМЕИ профинансировал экспедицию польского антрополога Станисла-

ва Францевича Понятовского (1884–1945). Его полевая работа среди народов Амура продолжалась с 16 июня до 7 августа и была прервана Первой мировой войной. Полученные С.Ф. Понятовским данные не подтвердили гипотезу А. Хрдлички о сходстве антропологического типа народов Восточной Сибири и Америки. В 1917 г. по заданию НМЕИ антропологические и этнографические исследования среди народов Восточной Сибири провел В.А. Котов. Результаты экспедиции С.Ф. Понятовского незначительны, а о деятельности В.А. Котова сведений найти не удалось. В то время как научные результаты Джезуповской экспедиции были опубликованы и работы ее участников, в том числе В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза, получили широкую известность.

Российские этнографы на конгрессах американистов

После завершения Джезуповской экспедиции В.Г. Богораз уехал в Нью-Йорк, где в 1902–1903 гг. в АМЕИ занимался подготовкой своих полевых материалов к печати. В 1902 г. он принял участие в работе XIII Международного конгресса американистов, состоявшегося в Нью-Йорке. В.Г. Богораз писал: «Конгрессу было представлено несколько довольно интересных работ, хотя надо заметить, что главный интерес этих работ заключался в описании раскопок, перечне коллекций и серии фотографий, которые американцы снимают и воспроизводят с огромным искусством, в изящных полутонах или в нежнейших и тонких красках. Ни одной работы, захватывающей более широкий кругозор, на конгрессе не появилось, если не считать краткой речи профессора Боаса о задачах тихоокеанской экспедиции. Мне пришлось прочесть доклад о сравнении азиатского фольклора с американским по недавно собранным материалам, и, если угодно, этот доклад можно считать за русский, ибо одною из составных частей его явились два сборника материалов, В.И. Иохельсона и мой, изданные Академией наук в Петербурге» [Тан 1911: 259].

На конгрессе В.Г. Богораз познакомился со шведским исследователем Карлом Вильгельмом Хартманом (С.V. Hartmann, 1862–1941), который в 1890–1893 и 1896–1898 гг. проводил археологические раскопки в Центральной Америке. По результатам первой экспедиции он опубликовал монографию «Индейцы северо-

западной Мексики», по результатам второй — «Археологические исследования в Коста-Рике». К.В. Хартман поддерживал деловые отношения с сотрудниками МАЭ до конца 1920-х годов. Для участников конгресса принимающая сторона организовала ознакомительную поездку на поезде из Нью-Йорка в Чикаго с посещением нескольких городов. В.Г. Богораз с иронией отметил: «Венцом всей этой экскурсии была поездка в древний индейский форт возле города Коломбос. <...> Были приготовлены железные лопатки, члены экскурсии, особенно дамы, расхватали их с жадностью и стали раскапывать землю. Не знаю, что они рассчитывали найти. Может быть, каменные брошки или костяные гребенки древних индейских женщин. Тотчас же раздались восклицания: “Я нашла”, “Я тоже”. Они находили не брошки, а каменные стрелки, топорики, а больше всего подлинные человеческие кости. Никто не остался без находок. Я думаю, все это было заранее, нарочно подложено» [Богораз 2011: 210].

В августе 1904 г. В.Г. Богораз от московского Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ), Л.Я. Штернберг от МАЭ и В.И. Иохельсон от АМЕИ участвовали в работе XIV Международного конгресса американистов, который проходил в Штутгарте [Иохельсон 1908]. Л.Я. Штернберг представил доклад «Об отношении морфологии гилияцкого языка к американским», В.Г. Богораз — «О религиозных идеях примитивного человека на основе верований чукчей», В.И. Иохельсон — «Об американских и азиатских элементах в мифах коряков». В Штутгарте Л.Я. Штернберг лично познакомился с Ф. Боасом и встретился с исследователями из Аргентины: Самуэлем Лафоне Кеведо (L. Quevedo, 1835–1920), Роберто Леман-Нитше (R. Lehman-Nitsche, 1872–1938) и Хуаном Баутиста Амбросетти (J. Ambrozetti, 1865–1917). В 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по индейцам Аргентины от директора музея города Ла-Плата С. Лафоне Кеведо (№ 938, 939). После завершения работы конгресса Л.Я. Штернберг посетил Берлин, где встретился с Конрадом Теодором Пройссом (K.T. Preuss, 1869–1938) — сотрудником Музея народоведения Берлина. Они состояли в деловой переписке с декабря 1903 г.

Благодаря содействию В.В. Радлова Л.Я. Штернберг получил приглашение на стажировку в США за счет средств, выделявшихся на издание трудов Дезуповской экспедиции. Соответственно

Л.Я. Штернберг обещал Ф. Боасу подготовить монографию по результатам своих исследований среди нивхов. В Америке Л.Я. Штернберг находился с середины апреля до конца июля 1905 г. Он работал в АМЕИ, а затем две недели провел в Музее естественной истории им. М. Филда в Чикаго. Во время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ Кларком Уисслером (С. Wissler, 1870–1947) Л.Я. Штернберг договорился об обмене коллекциями и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ [Купина 2004: 55]. В 1905 г. МАЭ получил из Нью-Йорка серию коллекций по народам Америки. Эскимосская коллекция состоит из сборов 1895–1896 гг. полярного исследователя Роберта Пири (R. Peary, 1856–1920) и капитанов морских судов Джорджа Комера и Джеймса Матча (№ 957). Коллекция по алгонкинам состоит из сборов Альфреда Луиса Кребера (A.L. Kroeber, 1876–1960) и В. Джонса (№ 959). Коллекция из 15 предметов каска и талтан (№ 960), вероятно, относится к сборам Джорджа Эммонса (G. Emmons, 1852–1945). Собирателем небольшой коллекции по индейцам нутка, возможно, был Ф. Боас (№ 961). Собирателями коллекции по индейцам равнин и плато были Дж. Гриннел (1849–1938), А.Л. Кребер, Р. Кроан, А. Ниссел, Л. Фарранд (№ 958). Индейцы Мексики были представлены небольшой коллекцией из 12 предметов (№ 962). В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского.

Сотрудники МАЭ и АМЕИ остались довольны сотрудничеством и решили продолжить обмен этнографическими и археологическими собраниями. К. Уисслер предложил провести обмен коллекциями по периоду неолита. МАЭ отправил в Нью-Йорк образцы керамики неолитической стоянки из района Нижнего Новгорода, а из АМЕИ в 1906 г. поступило 34 фрагмента керамики (№ 963), полученных во время археологических раскопок в районе долины реки Огайо [Купина 2004: 56; Ершова, Корсун 2005: 5–6]. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя этнологического отдела АМЕИ.

В работе очередного, XV Международного конгресса американистов, который состоялся в 1906 г. в Квебеке, никто из отечественных ученых участия не принимал. Однако для представления на этом конгрессе В.И. Иохельсон отправил доклад «Древние

и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки». Он привел описание полу-подземных жилищ нивхов, ительменов, коряков, чукчей, юкагиров, алеутов, эскимосов и некоторых народов северо-западного побережья Северной Америки. В.И. Иохельсон пришел к выводу, что «подземные жилища племен тихоокеанского круга надо рассматривать как продукт культуры, созданной не изолированным творчеством отдельных племен, а совокупными усилиями многих народностей, сообщавшихся между собой и влиявших друг на друга» [Иохельсон 1908а: 48].

Развитие межмузейного обмена

В 1906 г. в МАЭ поступила коллекция из более 250 предметов от банкира Давида Горациевича (Осиповича) Гинцбурга (1857–1910), которая была собрана в 1880-е годы среди индейцев Эквадора и Британской Гвианы (№ 1063). Вероятно, ее собирателем был Габриель Горациевич Гинцбург. Д.Г. Гинцбург преподнес в дар МАЭ половину коллекции, а другую ее часть купил для музея торговец антиквариатом Евгений Иванович Александер. Е.Ю. Басаргина отметила: «Для Радлова были важны связи этого антикара со всеми заграничными музеями, благодаря которым академический музей имел возможность с наименьшими затратами, а часто и в дар получать все то, что при других обстоятельствах было бы для него совершенно недоступно» [Басаргина 2008: 303]. После приобретения коллекции Г.Г. Гинцбурга в большом конференц-зале ИАН организовали выставку новых поступлений [Очередная 1906]. Коллекция состояла как из предметов традиционной культуры: одежды, украшений, изделий домашней утвари, так и из одежды европейского типа, но изготовленной индейцами.

В 1905 г. Б.Ф. Адлер посетил Мюнхен и Вену, а летом 1907 г. — музеи Стокгольма, Копенгагена и Парижа для знакомства с организацией учета и хранения коллекций. В сентябре—октябре 1907 г. В.В. Радлов совершил поездку, во время которой посетил Стокгольм, Копенгаген, Лейпциг, Гамбург, Берлин и другие города Германии [Радлов 1907]. По результатам этих поездок В.В. Радлов решил принять более активное участие в обмене коллекциями с зарубежными музеями. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Аф-

рики, Сибири и т.д. У каждого музея были разные возможности формировать коллекции: одни имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках. МАЭ мог предоставить для обмена с европейскими музеями коллекции по народам России, главным образом по народам Сибири, но не имел обменного фонда таких коллекций.

Уже говорилось о создании В.В. Радловым Русского комитета, который получил государственное финансирование. За пятнадцать лет его работы, с 1903 по 1918 г., было проведено более десяти экспедиций, благодаря которым музей значительно пополнил свое собрание и создал обменный фонд из дублетных материалов [Ратнер-Штернберг 1928: 38–39]. Особенно активным меценатам и собирателям стали присваивать почетные звания членов-корреспондентов МАЭ. Одним из меценатов был экономист Владимир Владимирович Святловский (1871–1927). В 1907–1908 гг. он совершил кругосветное путешествие, во время которого посетил Северную и Южную Америки, Австралию и Океанию. По поручению МАЭ В.В. Святловский собирал этнографические и археологические коллекции. В Перу ему удалось приобрести керамический сосуд древних инков (№ 1292), в Канаде — археологическую коллекцию каменных наконечников стрел, найденных во время археологических раскопок в районе расселения гуронов, и амулет в виде фигуры черепахи индейцев Равнин (№ 2802).

Во время пребывания в Канаде В.В. Святловский познакомился с экономистом, профессором Университета Торонто Джеймсом Мейвором (J. Mavor, 1854–1925), от которого он получил сборную коллекцию по эскимосам, северным атапаскам, черноногим, ирокезам, сиу, шошони, пуэбло (№ 1333). Наряду с изделиями сувенирного характера в этой коллекции представлено несколько редких экспонатов, например ритуальная маска северных атапасков. В письме В.В. Радлову от 5 февраля 1908 г. В.В. Святловский писал о возможности установления обменных отношений с музеями Калифорнии: «Из двух ее университетов (Берклей и Пало-Альто) в государственном, Берклеевском, этнография в большом фаворе и имеется хороший музей, специально предназначенный калифорнийским индейцам. Заведующий музеем профессор Кребер (Affiliated Colleges, San-Francisco Cal. U.S.)

изъявил согласие прислать полную коллекцию вещей калифорнийских индейцев, особенно племен юрок и пима» (цит. по: [Розина 1974: 135]). В 1909 г. В.В. Святловский стал членом попечительского совета музея. Позднее он приобрел у Дж. Мейвора берестяную лодку алгонкинов, которая была доставлена в музей в 1913 г. (№ 2210), а также оплатил покупку копий каменных скульптур Сан-Августина (№ 2227). Еще одна лодка алгонкинов поступила через Г. Мейера в 1913 г. (№ 2211).

* * *

В августе—сентябре 1908 г. в столице Австро-Венгерской империи состоялся XVI Международный конгресс американистов. МАЭ на конгрессе в Вене представлял Л.Я. Штернберг. Среди его участников были Вильям Тальбицер (W. Thalbitzer, 1873—1958), Эдвард Георг Зелер (E.G. Seler, 1849—1922), Макс Уле (M. Uhle, 1856—1944), К.В. Хартман (Гартман), Ф. Боас, К.Т. Пройсс, Р. Леман-Нитше и другие известные американисты.

Необходимо сказать о деловых контактах Л.Я. Штернберга и Ф. Боаса накануне конгресса. В то время Ф. Боас ждал завершения монографии Л.Я. Штернберга по нивхам, которую он планировал опубликовать в серии трудов Джезуповской экспедиции. Какие-то предварительные материалы Л.Я. Штернберг отправил в Америку, но его работа продвигалась очень медленно и была далека от завершения. В письме Брониславу Осиповичу Пилсудскому (1866—1918) от 25 апреля 1908 г. Л.Я. Штернберг сообщает: «... Боас писал мне неоднократно по поводу моих работ самые плаксивые письма, и, кроме того, умер единственный его покровитель — денежный Джезуп, не завещавший ему ничего. <...> Я оказался очень неаккуратным его сотрудником, и он недоволен (мною. — С.К.)» [Бронислав 2011: 283].

О докладе Ф. Боаса на XVI Международном конгрессе американистов Л.Я. Штернберг писал: «Гвоздем Конгресса был вступительный доклад профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке Франца Боаса. <...> Тема, выбранная им для своего доклада, “Результаты Джезуповской экспедиции” по обширности затрагиваемых проблем была вполне достойна и момента, и докладчика. <...> Всестороннее изучение культуры Северо-Востока Сибири, начиная с берегов Амура и заканчивая Беринговым проливом, обнаружало замечательные сходства в особенностях материального

быта, в мифологии, религии, преданиях, эпосе с окраинными народами тихоокеанского побережья С. Америки. Эти сходства настолько поразительны, что докладчик, — кстати сказать, вообще принципиальный противник английской теории самостоятельного происхождения подобного рода культурных сходств и держащийся теории индивидуального развития каждого типа культуры — в этих сходствах видит лучшее доказательство общности и единства происхождения этих культур» [Штернберг 1908: 1251–1252].

В свою очередь Ф. Боас отметил: «Нам посчастливилось привлечь в качестве помощника (Джезуповской. — С.К.) экспедиции доктора Льва Штернберга, чьи всесторонние знания о народах региона реки Амур являются необычайно важными для нашей проблемы» [Boas 2001: 20]. Как отмечалось, Ф. Боас и Л.Я. Штернберг познакомились в Штутгарте в 1904 г., через два года после завершения Джезуповской экспедиции.

На XVI конгрессе американистов Л.Я. Штернберг вновь встретился с Х.Б. Амбросетти, который в 1904 г. стал директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса: «Встретившись в Вене со Штернбергом, Амбросетти предложил ему установить непосредственный обмен экспонатами с музеем в Буэнос-Айресе. Аргентинского исследователя давно привлекали материалы по этнографии России, ему хотелось познакомить соотечественников с обычаями многочисленных народов нашей страны. Музей антропологии и этнографии не менее нуждался в пополнении своих латиноамериканских собраний, и Штернберг охотно принял это предложение. С тех пор между ними началась переписка, и было положено начало регулярному обмену петербургского музея с буэнос-айресским» [Лукин 1965а: 132].

В 1909 г. из Аргентины поступила интересная археологическая коллекция из района Кальчаки, селений Тилькара и Ла-Пайе (№ 1481). В 1910 г. поступила этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего поселения Ри Кача (№ 1800). В качестве ответного дара МАЭ отправил в Аргентину коллекции по ненцам.

Также внимание Л.Я. Штернберга привлек доклад К.Т. Пройсса «Праздник вина у племени Кора западных склонов Сьерра-Мадре

(Мексика)», подготовленный по результатам его экспедиции 1905–1907 гг.: «В методологическом отношении доклад этот <...> интересен тем, что опытный мексиканист, ассистент профессора Зелера, убедившись в недостаточности изучения кодексов и памятников искусства для понимания духа религии древних мексиканцев, решил обратиться к живому источнику — к изучению современных индейцев, прямых преемников древних мексиканцев. И действительно, в обрядах годовых праздников этих племен, в песнях и молитвах, донныне ими употребляемых и тщательно записанных докладчиком, он отыскал искомый ключ к пониманию годовых праздников древних мексиканцев. И многие, еще очень недавно скептически относившиеся к попыткам этого сравнительно молодого ученого применить данные этнографии к познанию мексиканских древностей, теперь, после последней экспедиции Прейса, начинают мириться с казавшимся им раньше претенциозным новаторством» [Штернберг 1908: 1254].

В личной беседе с К.Т. Происсом Л.Я. Штернберг высказал заинтересованность в приобретении мексиканских коллекций. В 1909 г. МАЭ получил из Германии пончо масатек (№ 1431) от Цецилии Зелер, супруги немецкого археолога Э.Г. Зелера, и через Г. Мейера — археологическую коллекцию из Мексики из 16 предметов (№ 1423), купленную у Адель Братон (A. Braton).

В 1908 г. Л.Я. Штернберг дважды посетил Берлин: в сентябре, при возвращении в Санкт-Петербург после венского конгресса, и в декабре, во время поездки в Прагу. По поручению В.В. Радлова в декабре 1908 — январе 1909 г. Л.Я. Штернберг находился в Праге для осмотра коллекций Альберта Войтеха Фрича (1882–1944), который в 1901–1903, 1903–1905, 1906–1908 гг. совершил три экспедиции в Южную Америку. Они заключили соглашение о сотрудничестве, которое оказалось очень продуктивным. На деньги мецената, предпринимателя из Екатеринослава Леонтия Моисеевича Скидельского (1845–1916) у А.В. Фрича было приобретено 1650 предметов. МАЭ профинансировал его четвертую экспедицию 1909–1912 гг. и получил более 700 предметов по традиционной культуре чамакоко, тумраха, моротоко, чиригуано и кадиувео [Зиберт 1961; Бородатова 1996; Ершова, Корсун 2005: 47–50]. Кроме вещевых коллекций, А.В. Фрич передал несколько иллюстративных собраний. Это коллекция № 1391, состоящая из 239 фотографий большого формата, сделанных А.В. Фричем и итальянским

путешественником Гвидо Боджани (G. Boggiani, 1861–1902) среди племен бороро, кадиувео, чамакоко, санапано, тоба. В начале XX в. в Аргентине издали серию фотооткрыток с типами индейцев на основе фотографий Г. Боджани. В 1910 г. 115 вышеуказанных фотооткрыток поступили в МАЭ (№ 1748). Сравнение этих материалов показывает, что в коллекции № 1391 есть несколько десятков оригинальных фотографий. К оригинальным материалам А.В. Фрича относятся два фотоальбома, один из которых зарегистрирован под № 1361. В этом альбоме представлены карта с маршрутом его путешествий по Южной Америке, фото предметов из этнографической коллекции и фото А.В. Фрича с группой индейцев. Второй альбом содержит несколько десятков фотографий предметов его этнографической коллекции по индейцам кадиувео и шесть фото индейцев.

Как было показано, развитием международных проектов по обмену коллекциями активно занимался не только В.В. Радлов, но и его сотрудники — Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг. Постепенно В.В. Радлов перевел руководство международными проектами на Л.Я. Штернберга, который привлек миллионеров Д.Г. Гинцбурга, Е.И. Александра и Л.М. Скидельского в качестве меценатов музея. В 1909 г. В.В. Радлов назначил Б.Ф. Адлера ответственным за антропологические и археологические коллекции и тем самым отстранил его от комплектования этнографического собрания музея.

Проекты по приобретению коллекций

По предложению В.В. Радлова в 1909 г. при МАЭ создали попечительский совет, через несколько лет его почетным председателем стал член императорской фамилии, князь Александр Георгиевич Романовский (1881–1942). В состав попечительского совета входили богатые меценаты: Е.И. Александр, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Эммануэль Людвигович Нобель (1859–1932) и др., которые оказывали материальную помощь музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины и ордена.

Неоднократные обращения В.В. Радлова по поводу увеличения штата и финансирования музея вызывали недовольство президента ИАН великого князя Константина Константиновича Ро-

манова (1858–1915). С.А. Ратнер-Штернберг писала: «В.В. Радлов взял на себя самую неприятную и, может быть, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и всюду интересов музея: официальное его положение как директора музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, невзирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался “антишамбировать”, то есть ждать очереди, в приемных министров и других сановников» [Ратнер-Штернберг 1928: 37].

В 1909 г. В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг заключили соглашение об обмене коллекциями с директором этнографического отдела Королевского музея естественной истории (КМЕИ) Стокгольма К.В. Хартманом [Станюкович 1986: 87; Отчет 1909: 24]. Для обмена с зарубежными музеями МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые поступали в обменный фонд. Эти коллекции отправляли в Лейпциг на имя Германа Мейера, выступавшего основным посредником между МАЭ и европейскими музеями. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеем народоведения Берлина, Музеем народоведения Лейпцига, Музеем народоведения Гамбурга, а также с коммерческим предприятием «Музей Умлауффа» в Гамбурге. К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе обмена. Г. Мейер несколько раз оплачивал покупку коллекций, которые приобретались при посредничестве К.В. Хартмана. Таким образом, для МАЭ значительно расширились возможности получения коллекций из «экзотических» стран, так как у К.В. Хартмана были установлены надежные деловые связи в ряде стран Центральной Америки и в США.

В конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александера музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Сложность ситуации состояла в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александера. МАЭ, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции. Часть этого собрания действительно принадлежала Е.И. Александеру. В частности, ему передали коллекцию по ненцам и коми из двух тысяч предметов из сборов Андрея Владимировича Журавского (1882–1914). В 1906 г. на деньги

Е.И. Александера МАЭ профинансировал полевые исследования А.В. Журавского. Планировалось, что после доставки коллекции в Санкт-Петербург музей выплатит Е.И. Александеру половину суммы и коллекция будет поделена пополам. Однако осенью 1908 г., когда собрание А.В. Журавского поступило в музей, у В.В. Радлова не оказалось свободных средств, и всю коллекцию, за исключением 75 предметов, передали Е.И. Александеру.

В 1910 г. А.В. Журавский посетил этнографический отдел Русского музея императора Александра III, где увидел вещи из своих сборов. Их купили за государственный счет в Гамбурге в «Музее Умлауффа». Узнав, какую сумму заплатили за «его» коллекции, А.В. Журавский высказал претензии руководству ИАН по поводу того, что в Германию были отправлены особо ценные вещи и что Л.Я. Штернберг неверно указал этническую принадлежность ряда предметов для увеличения их стоимости. А.И. Терюков отмечает: «Основным пунктом обвинений А.В. Журавского было то, что коллекции были проданы без его ведома и разрешения» [Терюков 2008: 96]. Получается, что после передачи коллекций в МАЭ А.В. Журавский продолжал считать себя их владельцем. Понятно, почему он не предъявил обвинения академику В.В. Радлову. Его авторитет в научном мире был достаточно высок, чтобы В.В. Радлова можно было в чем-либо обвинить без серьезных доказательств, а никаких доказательств противоправных действий руководства МАЭ у А.В. Журавского не было. Что касается Л.Я. Штернберга, то он ничего не продавал и не занимался изменением этнической принадлежности предметов. Вероятно, музейную документацию сфальсифицировали предприниматели из торговой фирмы «Музей Умлауффа». Например, они сшивали вместе кожу обезьян и рыб и продавали их как чучела «русалок» из России [Соболева 2007: 82; Masterpieces 2013: 58–59]. Л.Я. Штернберг болезненно воспринял обвинения А.В. Журавского и искал моральной поддержки у коллег. Видимо, он серьезно опасался за свою репутацию и дальнейшую карьеру. Некоторые знакомые Л.Я. Штернберга дистанцировались от этого конфликта и не принимали какую-либо сторону. Так, Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930), несмотря на трехмесячное пребывание в Санкт-Петербурге с января по март 1911 г., не посетил МАЭ. Они встретились только 18 марта на заседании ИРГО, где Л.Я. Штернберг подверг суровой критике доклад В.К. Арсеньева.

Для разбирательства конфликта создали третейский суд, который отказал А.В. Журавскому в «удовлетворении». Кроме третейского суда, разбирательством этого инцидента занималась специальная комиссия ИАН. Комиссия отметила «бескорыстную, проникнутую исключительно научными интересами деятельность В.В. Радлова, благодаря которой музей занял одно из первых мест среди наиболее богатых, быстро развивающихся и постоянно совершенствующихся институтов ведомства Императорской Академии наук» (цит. по: [Басаргина 2008: 304]). Формулировка «бескорыстная деятельность» упомянута не случайно. При знакомстве с документами и публикациями, посвященными анализу этого конфликта, становится ясно, что у А.В. Журавского был меркантильный интерес. Все же этические нормы были нарушены, на стороне А.В. Журавского выступил Б.Ф. Адлер, главным образом из-за своих личных претензий к В.В. Радлову. Как отмечалось, Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг одновременно поступили в музей на должности младших этнографов. В 1904 г. на должность старшего этнографа В.В. Радлов перевел только Л.Я. Штернберга, поэтому Б.Ф. Адлер считал себя незаслуженно обделенным. Некоторые исследователи характеризуют этот конфликт как «жестокую конкуренцию среди ученого мира столицы», вызванную завистью одних к успехам других [Хисамутдинов 2005: 49]. В начале 1911 г. Б.Ф. Адлер ушел из музея, позднее он переехал в Казань, где стал преподавать этнографию в университете. На его место взяли Бернарда Эдуардовича Петри (1884–1937), который проработал в МАЭ до 1918 г.

В результате межмузейного обмена некоторые коллекции, полученные из Германии и Швеции, значились в документах МАЭ как поступившие от Е.И. Александра. Позднее Е.И. Александра записали их собирателем. В частности, речь идет о коллекции из 603 номеров по культуре народов Мексики (№ 1812), поступившей в 1910 г., и о коллекции из 27 статуэток типов населения Мексики (№ 1868), поступившей в 1911 г. До поступления в МАЭ они в течение десяти лет находились на хранении в Музее народоведения Гамбурга, их собиратели неизвестны. Сейчас в музеях США и Европы хранятся коллекции по народам России, собирателем которых значится Е.И. Александр [Соболева 2007а: 186]. Например, И.С. Гурвич и Р.Г. Ляпунова писали о посещении в 1979 г. Музея американской археологии и этнологии им. Джорджа Пибоди (МААЭ) при Гарвардском университете в Кембридже:

«Мы ознакомились с коллекцией Фр. (фирмы. — С.К.) Александра по орочам (эвенам), очевидно, с Охотского побережья. <...> Амурские коллекции этого музея демонстрируют вышивку и одежду, орудия охоты, курительные трубки, деревянные фигурки, шкатулки. <...> Часть этих сибирских коллекций поступила сюда из Дрезденского музея» [Гурвич, Ляпунова 1980: 125]. Все вышеупомянутые коллекции принадлежали МАЭ, Е.И. Александер был только посредником, через которого они поступали в зарубежные музеи и на международные аукционы.

Московский этнограф Владимир Владимирович Богданов (1868—1953), посетивший Германию в 1910 г., писал о деятельности Е.И. Александера: «В Лейпцигском этнографическом музее <...> мне пришлось обратить внимание на некоторые предметы сомнительного происхождения. Мне и тогда было известно, что в Гамбурге существовала фирма Александера, которая занималась специальным посредничеством с разными этнографическими музеями по закупке “дублетов”, которые и отсылала заказчикам. В то же время в Петербурге был открыт секрет этой фирмы, изготовлявшей самостоятельно музейные предметы по нужным образцам» [Богданов 1993: 8].

В 1909 г. сотрудник вашингтонского НМЕИ при Смитсоновском институте, антрополог А. Хрдличка (Грдличка) проводил в Египте антропологические исследования. После завершения экспедиции он посетил несколько европейских музеев, в том числе МАЭ, и провел с В.В. Радловым переговоры об обмене коллекциями. К этому времени МАЭ уже осуществил несколько обменов книгами со Смитсоновским институтом, и В.В. Радлов принял предложение А. Хрдлички. Он предложил для обмена бюст, несколько черепов и серию фотографий по культуре кетов, которые отправили в Вашингтон. В качестве ответного дара МАЭ получил два гипсовых бюста вождей кроу и оседж (№ 1751), четыре плетеные корзины разных индейских племен из сборов Джеймса Муни (J. Mooney, 1861—1921), Джеймса Стивенсона (J. Stevenson), И.Л. Клифтона и Минделефа (№ 4154) [Купина 2004: 65] и археологическую коллекцию населения района верховий реки Потомака и залива Чесапик, в которой представлены различные типы каменных орудий (№ 2201).

В январе 1910 г. К.Т. Происс писал Л.Я. Штернбергу: «Мой бывший мексиканский служащий интересуется в письме, не хоч

ли я дать ему какое-либо поручение по собирательству. Тогда я подумал о Вашем музее, ведь Вы в свое время выразили желание иметь коллекцию из тех мест. Поскольку он в течение двух лет моего пребывания там помогал мне собирать коллекции и знает, на что нужно обращать внимание, и так как он постоянно проживает среди индейцев кора, то он вполне способен собрать хорошую коллекцию за малые деньги. Расходы на экспедицию совершенно отпали бы, и нужно только <...> помимо фактической стоимости оплатить работу по собиранию» (цит. по: [Соколова 2012: 126–127]). Л.Я. Штернберг подтвердил желание МАЭ получить коллекцию по индейцам Мексики. В 1910–1911 гг. житель селения Хесус-Мария, расположенного вблизи города Тепик, штата Наярит, индеец кора Сотеро Партида (S. Partida) собрал более 600 предметов по культуре кора и уичоль. МАЭ получил это собрание в конце 1911 г. при посредничестве Г. Мейера (№ 1902 и 1902а).

В 1910–1913 гг. Л.Я. Штернберг ежегодно посещал Стокгольм. В 1911 г. при посредничестве К.В. Хартмана и Г. Мейера МАЭ получил коллекцию из более 180 предметов по культуре североамериканских индейцев. Собирателем значительной части этого собрания был Марк Реймонд Харрингтон (M.R. Harrington, 1882–1971). В коллекцию № 1881 входят предметы культуры алгонкинов, в коллекцию № 1882 — ирокезов, № 1889 — сиу, № 1890 — мускогов, № 1891 — кайова, № 1892 — читамача, № 1893 — вичита. Каким образом эти коллекции поступили в Европу, сведений не сохранилось, но так как на некоторых вещах имеются этикетки «Музея Умлауфа», то становится понятно, что именно в этой коммерческой фирме они были куплены. Тогда же через К.В. Хартмана и Г. Мейера музей получил собрание немецкого путешественника Вильгельма Бауэра (W. Bauer) из более 400 предметов культуры майя, масатеков и чонталь (№ 1861–1863). Первоначально эта коллекция была доставлена из Мексики в Стокгольм. В. Бауэр был учеником Э.Г. Зелера — заведующего отделом американской археологии Музея народоведения Берлина. Он совершил несколько поездок в Мексику специально для сбора керамических изделий. В настоящее время, кроме МАЭ, коллекции В. Бауэра находятся на хранении в музеях Берлина, Бремена, Нью-Йорка, Вашингтона, Мехико. В 1911 г. Е.И. Александер передал в МАЭ коллекцию древнеперуанской керамики из 25 предметов (№ 1880) из сборов немецкого археолога Г. Беккера (G. Becker).

В связи с регистрацией собрания МАЭ в состав коллекций по народам Америки стали возвращать вещи, ранее находившиеся в сибирских и океанийских коллекциях. Это деревянный гребень индейцев нутка о. Ванкувера из коллекции Дж. Кука (№ 505-21), бубен кадьякцев из сборов И.И. Биллингса (№ 666-14), лампажирник от И.Г. Вознесенского (№ 868-1), костяная фигурка предка от Ю.Ф. Лисянского (№ 699-1) и несколько предметов, собиратели которых не установлены, — курительные трубки эскимосов (№ 650-1, 2), сосуд из кости (№ 668-1).

* * *

В период 1899–1912 гг. поступления американских коллекций от частных лиц были малочисленны. По завещанию адмирала Константина Николаевича Посьета (1819–1899) его родственники в 1899 г. передали в музей несколько предметов, которые он привез из заграничных плаваний: это курительная трубка индейцев хайда (№ 482), археологическая коллекция из восьми каменных наконечников индейцев Латинской Америки (№ 484), две куклы эскимосов Гренландии (№ 805). В 1904 г. директор Кавказского музея в Тифлисе Александр Николаевич Казнаков (1871–1933) передал в МАЭ коллекцию из 12 предметов равнинных кри и ирокезов (№ 888), которую приобрел его брат во время путешествия по Северной Америке. В 1910 г. от него же поступило три изделия из кости эскимосов острова Святого Лаврентия (№ 1747). Эти вещи А.Н. Казнаков купил на рынке в Тифлисе. В 1907 г. Софья Александровна Таренецкая, вдова начальника Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, антрополога Александра Ивановича Таренецкого (1845–1905), передала в МАЭ метательное орудие — бола арауканов (№ 1316). В 1908 г. в дар от военного моряка Гавриила Гавриловича Хоматьяно (1864–1937) через географа и путешественника Александра Леонидовича Ященко (1868–1943) музей получил четыре предмета огнеземельцев (№ 1203).

В 1906 г. из Геологического музея ИАН поступила праща алеутов Командорских островов. Геологическому музею ее передал зоолог Отто Альфред Федорович Герц (1852–1905), в конце XIX в. он проводил зоологические исследования на Командорах. В 1908 г. из этого же музея был получен обсидиановый наконечник копья алеутов (№ 1258). Вероятно, он относится к сборам Федора Штейна 1820 г. В 1912 г. геолог Герман Креднер (1841–1913) передал лук,

кожаный колчан и десять стрел эскимосов (№ 2044). Еще одна небольшая коллекция из Геологического музея поступила в 1914 г., она состоит из четырех изделий мексиканцев из лавы. Ее собирателем был минералог Генрих Христофор Струве (1772—1851).

В 1906—1907 гг. отставной генерал Николай Павлович Федоров (1835—1912) совершил кругосветное путешествие. В 1910 г. он передал в музей две сувенирные коллекции по народам Латинской Америки (№ 1770, 1771), еще одна коллекция от него поступила в 1911 г. (№ 1835). Из Императорской Археологической комиссии в 1910 г. передали коллекцию из более 80 каменных орудий индейцев Латинской Америки (№ 1760), других сведений об этом собрании нет. От врачебного инспектора Камчатки Александра Юлиановича Левитского (1863—?) в 1912 г. поступила модель байдарки алеутов Командорских островов (№ 1975). Ряд отдельных предметов индейцев сиу и алгонкинов передал в музей А. Смирнов в период с 1912 по 1928 г. (№ 2070, 2071, 2081, 2582, 3675, 3709). Он посетил Канаду и США в 1905—1906 гг. В 1912 г. из Музея Императорской Академии художеств поступил лук индейцев Калифорнии неизвестного происхождения (№ 1998). Изделия народных промыслов мексиканцев поступили от Серафима Кероповича Патканова (1860—1923) в 1912 г. (№ 1974) и в 1917 г. (№ 2656). Эти вещи он приобрел в 1892 г. во время путешествия по полуострову Юкатан, когда при содействии археолога Теоберта Малера (T. Maler, 1842—1917) С.К. Патканов посетил древние города майя: Ушмаль, Сайиль, Каабах и Лабну [Патканов 1896].

Одним из постоянных корреспондентов МАЭ был врач Николай Васильевич Кириллов (1860—1921), который регулярно передавал в музей коллекции по народам Сибири. В 1904 г. Н.В. Кириллова командировали на Чукотку для медицинского обследования ее населения. К месту назначения Н.В. Кириллов вместе с напарником Константином Николаевичем Тульчинским (1865—1931) выехал из Санкт-Петербурга в западном направлении через Нью-Йорк, Сан-Франциско и Ном [Тульчинский 1906]. Ном был основан на полуострове Сьюард в 1899 г. после обнаружения в этом районе месторождения золота. Со всех стран сюда хлынул поток золотоискателей. Стали селиться в Номе и эскимосы. Н.В. Кириллов отмечает: «Летом туземцы являются целыми семьями в Ном в большом числе — до 100 палаток ставится на реке Снейк. Многие живут и зимою по окраинам города в маленьких

домиках с железными печками. Многие из них занимаются рыбной ловлей и носят добычу на базар; другие возят тяжести на собаках <...> или водою» [Кириллов 1912: 331]. Среди эскимосского населения Нома Н.В. Кириллов собрал небольшую коллекцию изделий из кости (№ 1927) и сделал серию фотографий (№ 1618, 1619). Эти коллекции он передал в МАЭ в 1912 г.

Несколько фотографий неизвестного происхождения с видами Нома зарегистрированы в коллекции № 4566. Отметим, что представителей России, посетивших Ном в начале XX в., было немного. Записки о своих путешествиях, кроме Н.В. Кириллова и К.Н. Тульчинского, оставили Николай Федорович Калинин, Михаил Сергеевич Латернер (1857–?), горный инженер Карл Иванович Богданович (1864–1947). Возможно, кто-то из них и передал эту фотоколлекцию в МАЭ. Например, штабс-капитан Н.Ф. Калинин сделал интересное этнографическое описание населения Чукотки. В 1910 г. он посетил Аляску, где изучал американский опыт приобщения аборигенов к «цивилизации». Н.Ф. Калинин предложил установить пограничные посты между Россией и США, чтобы прекратить «хозяйничанье американцев на нашем побережье, их влияние на наших инородцев, спаивание спиртом, незаконную охоту в наших водах на китов и моржей, вообще урегулировать наши отношения с соседом, заставить его считаться с нашими правами и законами» [Калининков 1912: 233].

Также в состав коллекции № 4566 входят двенадцать групповых снимков алеутов селения Преображенского о. Медного. Они были сделаны в конце XIX или в начале XX в. На некоторых фото алеуты изображены в фуражках с надписью на околыше «О. Медный». До 1917 г. все алеуты, достигшие двадцати лет, зачислялись в службу охраны котиковых лежбищ и каждому из них выдавали морскую форму: брюки, китель и фуражку с надписью «О. Медный» или «О. Беринга». Возможно, что эти фотографии передал в МАЭ зоолог Н.А. Гребницкий, в 1877–1906 гг. бывший начальником промыслов на Командорских островах. Н.А. Гребницкий проводил раскопки алеутских могил и дважды дарил музею антропологические коллекции (№ 322, 5215).

В июне 1910 г. во время экспедиции к народам Амура Л.Я. Штернберг посетил в Хабаровске краеведческий музей Приамурского отделения ИРГО и установил деловое сотрудничество

с известным путешественником В.К. Арсеньевым. В июле 1910 г. В.К. Арсеньев стал директором этого музея. МАЭ в течение многих лет получал из Хабаровска ценные коллекции по народам Сибири. В письме В.К. Арсеньеву от 16 октября 1913 г. Л.Я. Штернберг просил, чтобы он приобретал любые этнографические коллекции, «так как все, что будет для нас лишнее, мы всегда сможем обменять с другими музеями» [Письма 1979: 62]. В 1915 г. хранитель хабаровского музея М. Венедиктов отправил в МАЭ три модели байдарок алеутов Командорских островов (№ 2442).

Исследования В.И. Иохельсона среди алеутов (1909–1910)

В.И. Иохельсон (Waldemar Jochelson) в 1912–1918 гг. являлся внештатным сотрудником МАЭ. В молодости он был революционером-народовольцем. В.И. Иохельсон работал в динамитной мастерской, где занимался изготовлением взрывчатки. Вероятно, практическое участие В.И. Иохельсона в подготовке террористических актов было причиной того, что до 1918 г. его не принимали на постоянную работу в ИАН/РАН. В 1909–1910 гг. В.И. Иохельсон провел этнографические, археологические и лингвистические исследования на Алеутских островах. Позднее он передал часть своих полевых материалов в МАЭ, поэтому кратко остановимся на ходе и результатах его экспедиции к алеутам.

В 1904 г. московский миллионер Федор Павлович Рябушинский (1885–1910) прослушал курс лекций по этнографии и антропологии народов Сибири. Он пришел к выводу, что народы Сибири изучены недостаточно, и решил организовать комплексную научную экспедицию на Камчатку. Ф.П. Рябушинский обратился в ИАН и ИРГО с просьбой «принять организуемую экспедицию под свое покровительство» [Ивановский 1910: 121]. В 1906 г. из сотрудников ИАН и ИРГО создали специальную комиссию, было решено провести комплексные научные исследования на Камчатке по образцу Джезуповской экспедиции. Предстоящая экспедиция получила два названия — экспедиция Рябушинского или Камчатская экспедиция. По рекомендации В.В. Радлова вице-президент ИРГО Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) предложил Ф.П. Рябушинскому кандидатуру В.И. Иохельсона для проведения этнографических исследований на Камчатке.

В.И. Иохельсон включил в план работы экспедиции не только изучение ительменов, но и комплексное исследование населения Алеутских островов, так как алеуты не были изучены во время работы Джезуповской экспедиции. В апреле 1908 г. В.И. Иохельсон и его супруга Дина Лазаревна Иохельсон-Бродская (1864–1943) уехали в Великобританию. В Лондоне В.И. Иохельсон занимался изучением алеутского языка по работе И.Е. Вениаминова «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка». Он писал: «Готовясь в 1908 г. в Британском музее к поездке на Алеутские острова, я изучил также работу И.Е. Вениаминова. Она дала мне известную подготовку по алеутскому языку, значительно ускорившую предварительную стадию его изучения. Но на месте я скоро убедился, что Вениаминов не понял главных основ строения алеутского языка» [Иохельсон 1920: 135]. Несмотря на это высказывание, В.И. Иохельсон отметил, что переводы И.Е. Вениаминова на алеутский язык краткого катехизиса и Евангелия от Матфея были сделаны на хорошем уровне: «Объясняю я это обстоятельство влиянием помогавших ему переводчиков-алеутов, которые не могли допустить грубого искажения своего языка, поскольку они сами понимали переводимое» [Иохельсон 1920а: 314].

В Нью-Йорк В.И. Иохельсон приехал 1 октября 1908 г. В АМЕИ, где он ранее, в 1902–1904 гг., работал, В.И. Иохельсон изучал этнографические коллекции и литературу по алеутам. Во время пребывания в Нью-Йорке вне его внимания осталась церковная литература на алеутском языке, изданная Русской православной церковью в Америке. Впоследствии В.И. Иохельсон усовершенствовал алеутский алфавит И.Е. Вениаминова, не зная, что он уже был изменен и что с использованием нового варианта алеутского алфавита издавались церковные книги [Лодочников 1898; Шаяшников 1902; Деяния 1902; Святое Евангелие от Иоанна 1902; Святое Евангелие от Луки 1903]. Из Нью-Йорка В.И. Иохельсон ездил в Вашингтон, где провел десять дней. В НМЕИ при Смитсоновском институте он познакомился с почетным хранителем этого музея, известным исследователем алеутов Уильямом Доллом (W.H. Dall, 1845–1927). У. Долл был первым американским ученым, который начал проводить научные исследования на Аляске в 1866 г., еще до продажи Аляски США.

Проехав на поезде через всю страну, В.И. Иохельсон и его супруга 21 ноября прибыли в Сан-Франциско. 30 ноября они выеха-

ли в Сиэтл, где находились с 1 по 8 декабря, когда на судне «Санта-Клара» отплыли на Аляску. Во время плавания судно сделало несколько остановок, в том числе в городе Джуно — новой столице Аляски. 17 декабря прибыли в селение Сьюард, расположенное на восточном побережье Кенайского полуострова. 24 декабря на боте «Фаралон» отправились к острову Уналашка. По пути остановились у острова Кадьяк, где из-за шторма провели три дня в одноименном селении. Последнюю промежуточную остановку «Фаралон» сделал у острова Унга. К месту назначения — на остров Уналашку — В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская прибыли 3 января 1909 г. В алеутском селении Уналашка (Датч-Харбор) в то время проживал 281 человек, из них алеутов было 242 человека. В редакционной заметке журнала «Землеведение», опубликованной по результатам исследований В.И. Иохельсона, сказано: «Алеуты здесь одеваются по-европейски, и многие говорят по-английски. <...> Православных церквей имеется на островах несколько, со священниками из русских, а отчасти (2) и из алеутов. Нынешний русский священник на Уналашке — еще молодой интеллигентный человек, женатый на бывшей учительнице. Знание русского языка, однако, мало распространено среди алеутов, хотя они охотно учатся, особенно по церковно-славянски, чтобы читать Псалтырь, Евангелие, большей частью не понимая читаемого. Все молодое поколение Уналашки проходит правительственную школу, которую обязаны посещать также и ученики русской церковной школы» [Экспедиция 1912: 138].

В.И. Иохельсон включил в состав своего отряда двух алеутов — вождя Алексея Мироновича Ячменева (1866—1937) и псаломщика православной церкви Леонтия Ивановича Сивцова (1872—1919). Также он постоянно нанимал алеутов для проведения археологических раскопок. На Уналашке В.И. Иохельсон и его супруга занимались археологическими, этнографическими, лингвистическими и фольклорными исследованиями в течение пяти месяцев. Одной из задач экспедиции был сбор фольклорного материала. Главным информантом В.И. Иохельсона на Уналашке был слепой «доктор», то есть знахарь, Исидор Соловьев (1849—1912), который надиктовал 42 текста. Он был родом с острова Акутан. В то время среди православных алеутов считаться шаманом было неудобно, а «доктором», знахарем или народным целителем — вполне допустимо. Другими информантами на Уналашке

В.И. Иохельсона и его помощника Л.И. Сивцова были Илларион Меньшов (1851—?), Климент Буренин (1843—?) и Марфа Голодова.

С 15 июня по 9 августа В.И. Иохельсон со своим отрядом, в состав которого входили Л.И. Сивцов и сын А.М. Ячменева Петр, провел исследования на острове Атту, где проживали 62 алеута. Здесь В.И. Иохельсон занимался в основном археологическими раскопками древнего селения Наниках. Краткие отчеты о результатах своих исследований В.И. Иохельсон отправлял в письмах секретарю ИРГО Андрею Андреевичу Достоевскому (1863—1933) и Ф.П. Рябушинскому. В письме Ф.П. Рябушинскому от 24 июля 1909 г. В.И. Иохельсон писал: «Аттовское наречие, оказалось, отличается от алеутского наречия восточных островов чрезвычайно интересными фонетическими, грамматическими и также лексическими особенностями. Время, которое я провел и имею еще провести на острове Атту, совершенно недостаточно для того, чтобы обстоятельно исследовать эти особенности. Я поэтому нанял на зиму брата здешнего старосты — Степана Прокопьева. Он поедет со мною на остров Атку и Умнак и затем в Уналашку. Таким образом, с осени 1909 до мая 1910 г. на постоянной службе экспедиции будут четыре человека. Зимой три из них — уналашкинский староста Ячменев, его сын и переводчик аттовского наречия Прокопьев — будут со мною на острове Умнак, а четвертый, Сивцов, будет собирать на острове Уналашке образцы фольклора и другие сведения отдельно от меня по составленной мною программе. <...>

Позволю себе в заключение указать на те условия, при которых нам приходится работать. <...> Солнце редко появляется. Всё туманы, облака, дожди. О степени сырости воздуха можно судить по тому, что негативы, оставленные в нашей палатке для сушки, оказываются еще мокрыми на четвертый день. Всё в палатке покрыто плесенью. Аппараты и инструменты приходится постоянно заворачивать и вытирать. Фотографические кассеты приходится сушить над огнем и хранить в жестяных ящиках, иначе они так разбухают, что невозможно выдвинуть задвижек во время съемки. Ночная температура воздуха теперь в июле месяце редко поднимается выше 6 градусов по Цельсию. Частые сильные ветры делают жизнь в палатке еще более тяжелой» [Из писем 1909: 620—623].

На Атту В.И. Иохельсон записал фольклорные тексты от Дмитрия, Степана и Савелия Прокопьевых, Филарета Прокопьева (1870—1910), Степана Голодова (1859—?) и 95-летней Артамо-

новой (1814—?). После завершения исследований на Атту отряд В.И. Иохельсона 10 августа переехал на остров Атка. Здесь В.И. Иохельсон также провел археологические раскопки и записал несколько мифов и легенд, рассказанных Петром Хорошевым и Михаилом Мершениным (1870—1943). После завершения исследований на Атке Л.И. Сивцов возвратился на Уналашку, где самостоятельно занимался сбором фольклорного материала и лингвистическими исследованиями по программе, составленной В.И. Иохельсоном.

14 сентября 1909 г. В.И. Иохельсон прибыл на остров Умнак, здесь вместо Л.И. Сивцова переводчиком экспедиции стал А.М. Ячменев. В течение осени в разных частях острова были раскопаны четыре древних селения. Зимой 1909—1910 гг. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская провели в селении Никольском. В этот период они занимались сбором фольклорного материала, лингвистическими и антропологическими исследованиями. Из-за отсутствия Л.И. Сивцова у В.И. Иохельсона возникли большие трудности при изучении алеутского языка. Несмотря на это, за восьмимесячное пребывание в Никольском участники экспедиции записали 15 мифов и легенд, рассказанных Тимофеем Дорофеевым (1865—?), 11 — Арсением Крюковым (1880—1930), 8 — Иваном Суворовым (1867—1934), одну песню надиктовала Елена Плетникова. Об исследованиях на острове Умнак В.И. Иохельсон писал 17 декабря 1909 г. в письме А.А. Достоевскому: «Я производил раскопки четырех древних селений в разных пунктах острова. <...> Ночевки в легкой палатке и работа под открытым небом в глубокую алеутскую ночь были очень тяжелы. Часто приходилось прерывать работу из-за ураганов и дождей. <...>

Найденные в раскопках костяные стрелы и части гарпунов просто замечательны разнообразием своих форм. Особенно интересны стрелы, оказавшиеся на скелете одного воина. Каменные стрелы и другие каменные орудия тоже отличаются разнообразием как по форме, так и по породе, из которой они сделаны. Из найденных костяных и каменных украшений большой интерес представляют несколько так называемых кулитов, по-английски labrets, которые вставляются в разрез нижней губы или щек. Среди них есть два, сделанные из полированного мрамора. <...>

При изучении алеутского языка, чрезвычайно трудного и сложного, мне приходилось и еще приходится преодолевать

большие трудности. <...> Трудность изучения алеутского языка увеличивается оттого, что из числа моих учителей один, Сивцов, знает довольно плохо как русский язык, так и английский, а другой, Ячменев, понимает только по-русски, но еще хуже первого. Остальные же кроме алеутского языка ни на каком другом не говорят. Как трудно при таких условиях разобраться в грамматических тонкостях, изобилующих при том древними оборотами, должно быть понятно. Одно достоинство, и весьма крупное, имеют мои учителя. Это то, что они все довольно хорошо грамотны, то есть пишут по-алеутски Вениаминовской азбукой, состоящей из смеси русских и славянских знаков, и мои знаки, более соответствующие алеутским звукам, чем азбука Вениаминова, они усвоили чрезвычайно легко. Они поэтому в состоянии значительно облегчить мне труд точного и правильного списывания текстов с фонографа или записывания под диктовку» [Из писем 1911: 98–100].

На Уналашку В.И. Иохельсон вернулся 5 мая 1910 г., оттуда вместе с Л.И. Сивцовым совершил кратковременную поездку на Прибыловы острова, здесь все алеуты работали на котиковом промысле и являлись государственными рабочими. За одну шкуру котика алеутам платили два доллара, эти деньги поступали в общую кассу и делились между всеми членами алеутской общины. Таким образом, были обеспечены не только промысловики, но и нетрудоспособные инвалиды, вдовы и сироты. Эта система распределения доходов существовала еще со времен Российско-Американской компании.

Что касается организатора экспедиции Ф.П. Рябушинского, то 8 марта 1910 г. он скончался от туберкулеза, не дожив до своего 25-летия немногим более месяца. 26 июля 1910 г. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская вышли в плавание к берегам Камчатки на русском военном транспорте «Колыма». Планировалось, что «Колыма» доставит В.И. Иохельсона на остров Беринга, но из-за шторма и сильного тумана судно не смогло сделать остановку у Командорских островов. 4 августа 1910 г. «Колыма» встала на якорь в гавани Петропавловска-Камчатского. В.И. Иохельсон писал: «Я воспользовался пребыванием здесь алеута Сергея Иванова с острова Беринга, высланного в Петропавловск административным порядком во время последней войны по нелепому обвинению в сочувствии японцам. Из занятий с ним я мог установить, что на острове Беринга говорят на аткинском наречии, а на острове Мед-

ном — на аттовском наречии» [Из писем 1911: 109]. В.И. Иохельсон записал со слов С. Иванова сказание на аткинском диалекте, вместе они сделали предварительный перевод этого текста [Иохельсон 1919: 1995]. Еще одну сказку на аткинском диалекте С. Иванов записал самостоятельно [Там же: 2000]. Этот факт говорит о том, что в 1910 г. на Командорских островах были алеуты, которые умели писать и читать на своем языке.

По результатам исследований на Алеутских островах этнографическое и археологическое собрание превысило 2100 предметов, антропологическое — десяток полных скелетов и 78 черепов. Словарь алеутского языка состоял из более пяти тысяч слов, также были записаны 108 легенд, мифов, сказок и песен алеутов. Были сделаны фотографии алеутов в трех ракурсах: на Уналашке — 12 мужчин и 8 женщин, на Атту — 26 мужчин и 13 женщин, на Атке — 15 мужчин и 10 женщин, на Умнаке — 19 мужчин и 11 женщин. Всего В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская сделали по всему маршруту экспедиции, от Сиэтла до Камчатки, более 1080 снимков — алеутов, антропологических и археологических артефактов, этнографических предметов, видов природы.

В ноябре 1911 г. В.И. Иохельсон вернулся в Санкт-Петербург. С.Б. Слободин отметил: «Странно выглядит то, что В.И. Иохельсон так и не смог получить штатную должность в каком-либо из музеев или университетов» [Слободин 2005: 109]. В январе 1912 г. В.И. Иохельсона зачислили на должность внештатного младшего этнографа МАЭ без оклада. Это назначение позволяло ему формально считаться сотрудником музея. Все ставки штатных сотрудников были заняты, а добиться дополнительной ставки от президента ИАН великого князя Константина Константиновича не мог даже В.В. Радлов. Например, супруга Л.Я. Штернберга С.А. Ратнер-Штернберг работала на временной ставке с 1910 по 1917 г. Несмотря на бюрократические преграды, в 1912–1914 гг. В.В. Радлову удалось принять в постоянный штат несколько сотрудников. Вероятно, главной причиной отказа в принятии В.И. Иохельсона на государственную службу была его прошлая революционная деятельность.

1 февраля 1912 г. В.И. Иохельсон выступил с докладом «Три года на Алеутских островах» в ИРГО в Санкт-Петербурге, 8 марта — с сообщением «Об алеутах» на заседании ИОЛЕАЭ в Москве. В мае он участвовал в работе XVIII Международного конгресса

американистов, проходившего в Лондоне, где представил доклады «Алеутский язык и его связь с эскимосскими диалектами» и «Научные результаты этнографического отдела экспедиции Рябушинского Императорского Русского географического общества на Алеутские острова и Камчатку». В Санкт-Петербурге 7 декабря 1912 г. открыли временную выставку из алеутских и ительменских коллекций В.И. Иохельсона. Для выставки в здании ИРГО выделили специальный зал, вещи выставили в 47 шкафах и витринах, кроме того, были представлены несколько манекенов в одежде и десятки фотографий большого формата. Среди наиболее интересных экспонатов выставки можно назвать: «Раскрашенные станки для шитья, <...> деревянные боевые шапки древних алеутов и современные шапки с открытым верхом, <...> вырезанные из кости и дерева морские животные, зажимы для шитья, пуговицы, <...> алеутская резьба и гравировка фигур животных из моржовой кости, <...> древний алеутский панцирь из деревянных пластинок, реконструированный по обломкам, найденным в пещере, 3 алеутские бубна эскимосского типа. Алеутская плясовая шаль и шапка» [Краткий каталог 1912: 6–10].

Выставка проработала до 22 декабря, затем коллекции упаковали и отправили в Москву. Антропологические коллекции В.И. Иохельсон передал на постоянное хранение в московский Музей антропологии при МГУ, а этнографические и археологические коллекции — в Дашковский музей при Румянцевском музее, их выставили в мемориальном зале имени Ф.П. Рябушинского. Открытие этого зала состоялось 3 апреля 1913 г. В этот день в 1863 г. Румянцевский музей был открыт для посетителей в Москве после его перевода из Санкт-Петербурга в 1861 г. На экспозиции были представлены орудия морской охоты и модели байдарок, деревянные шляпы, промысловая одежда, детские куклы — зародыши каланов, игрушки из засушенных морских ежей, фигурки животных из моржовой кости. К уникальным предметам относились три шаманских бубна, женская накидка для танцев, боевые доспехи, лыжи, обнаруженные в погребальной пещере [Богданов 1914: 10–12].

В феврале 1914 г. за исследования на Алеутских островах ИРГО наградило В.И. Иохельсона золотой медалью, но в штат Географического общества его не взяли, поэтому у него не было постоянного источника заработка. 23 сентября 1915 г.

В.И. Иохельсон выступил на заседании историко-филологического отделения ИАН. Он просил не о приеме на работу, а о финансовой поддержке для подготовки к печати результатов своих исследований [Иохельсон 1915: 1707]. Несмотря на финансовые трудности в 1912–1915 гг. он активно работал над монографией «Раскопки на Алеутских островах». В МАЭ прошло обсуждение рукописи этой книги, за ее критический разбор 29 декабря 1916 г. Л.Я. Штернберга удостоили золотой медали ИАН. В.И. Иохельсону удалось добиться от вдовы Ф.П. Рябушинского Татьяны Константиновны финансирования издания книги. В 1916 г. был сделан набор (макет) книги В.И. Иохельсона, но ее печать в типографии отложили из-за финансовых трудностей. Набор книги хранился в здании конторы братьев Рябушинских в Москве. В октябре 1917 г. восставшие революционеры разгромили офис Рябушинских и набор книги был уничтожен [Jochelson 1925: V]. Издать монографию по результатам экспедиции на Алеутские острова В.И. Иохельсон смог только в 1925 г. в США, где она вышла под названием «Археологические исследования на Алеутских островах» [Ibid.].

В 1918 г., после того как В.И. Иохельсона приняли в постоянный штат музея, и в 1922 г., незадолго до эмиграции в США, он передал в МАЭ более 1080 стеклянных фотонегативов (№ 2692, 2826). Из состава этого собрания опубликована основная часть фотопортретов алеутов [Корсун и др. 2001].

XVIII Международный конгресс американистов

27 мая — 1 июня 1912 г. Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз участвовали в работе XVIII Международного конгресса американистов, состоявшегося в Лондоне. На конгрессе присутствовали Х.Б. Амбросетти, М. Уле, А.В. Фрич, А. Хрдличка, В. Тальбицер, К.Т. Пройсс, Ф. Боас, Э. Зелер, Джордж Гордон (G.V. Gordon, 1870–1927), Мануэл Гамио (M. Gamio, 1883–1960) и др.

Встретившись на конгрессе, Л.Я. Штернберг и Ф. Боас продолжили сотрудничество. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас преподавал в Колумбийском университете Нью-Йорка. Один из его учеников, Пол Радин (P. Radin, 1883–1959), в 1908–1913 гг. проводил полевые исследования среди индейцев виннебаго

в штатах Висконсин и Небраска. В Небраске виннебаго жили в резервации вблизи городка Су-Сити и получали государственное пособие. В штате Висконсин они населяли городские пригороды Блэк-Ривер-Фоллса, Маршфилда, Тома, Мадисона и пособий не получали, здесь аккультурация виннебаго происходила значительно быстрее. В быту они уже не отличались от окружающего «евро-американского» населения, но сохраняли представления о своей духовной культуре и связанные с ней предметы культа. По предложению Ф. Боаса МАЭ частично профинансировал экспедицию П. Радиана и в 1914 г. через Колумбийский университет получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

Это был не единственный совместный проект, разработанный Ф. Боасом. Начиная с 1891 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди проводили археологические исследования в Мексике. В январе 1911 г. благодаря усилиям Ф. Боаса, Э. Зелера, Р. Диксона, Дж. Гордона в Мехико открыли Международную школу американской археологии и этнологии. Ключевой фигурой новой научной организации стал ученик Ф. Боаса — мексиканский археолог М. Гамио. Он начал раскопки древнего города Аскапоцалько. В 1912 г. раскопки Аскапоцалько продолжила десятая экспедиция МААЭ. Во время встречи с европейскими учеными на конгрессе в Лондоне Ф. Боас предложил сотрудникам МАЭ и КМЕИ принять долевое участие в финансировании археологических исследований в Мексике. Полученные коллекции планировалось разделить между тремя музеями. Для проведения раскопок ИАН ассигновала более 950 рублей, которые в марте 1913 г. были переведены на имя Ф. Боаса. В октябре — ноябре 1913 г. К.В. Хартман находился в США, как представитель КМЕИ он также профинансировал раскопки в Аскапоцалько. Из-за начавшейся в июле 1914 г. гражданской войны в Мексике отправка коллекции в Европу была отложена на длительный период. Свою часть мексиканской коллекции МАЭ получил только в 1936 г.

В Лондоне в антикварном магазине Л.Я. Штернберг приобрел шаманский костюм индейцев рукуйен (ояна) с территории Французской Гвианы (№ 2135). От бразильского археолога А.К. Симонса да Сильва (А.К. Simoens da Silva) он получил в дар два каменных орудия (№ 1981). Также Л.Я. Штернберг позна-

комился с немецким археологом Карлом Теодором Штепелем (К.Т. Stoepel, 1862—?), который в 1911 г. проводил исследования в Колумбии и сделал гипсовые слепки нескольких древних статуй из района Сан-Аугустин. В Германии с них отлили бетонные копии, одну из серий которых МАЭ приобрел в 1913 г. на деньги В.В. Святловского (№ 2227). Эти примеры показывают, что Л.Я. Штернберг использовал любые возможности для пополнения музейных фондов.

После завершения работы лондонского конгресса несколько его участников посетили европейские музеи для знакомства с собраниями по народам Америки. В частности, МАЭ посетили Х.Б. Амбросетти и А. Хрдличка. Последний планировал совершить экспедицию в Сибирь и Монголию для сбора материалов по антропологии. А. Хрдличка хотел найти подтверждение своей теории об азиатском происхождении индейцев. В Санкт-Петербург А. Хрдличка прибыл в июне 1912 г., здесь он ожидал разрешения на проведение полевых исследований в Сибири, изучал русский язык и неоднократно встречался с В.В. Радловым, по рекомендации которого переводчиком в его экспедиции стал Ф.А. Фиельструп. Х.Б. Амбросетти во время посещения МАЭ обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.К. Гильзен написал статью об этом экспонате и связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918].

В октябре 1912 г. в МАЭ приехал директор Антропологического музея г. Окленда в Калифорнии Чарльз Уилкомб (Ch. Wilcomb, 1865—1915). Он сделал несколько ценных замечаний по калифорнийскому собранию МАЭ. В 1903 г. К.К. Гильзен зарегистрировал большую часть предметов по индейцам Калифорнии в сборной коллекции № 570. Ч. Уилкомб указал на вещи, которые не являлись изделиями калифорнийских индейцев в составе этой коллекции: циновки № 570-64, 66, курительные трубки № 570-60, 61, четки № 570-118, шпоры № 570-119, плетеные сосуды № 570-107, 110, 111, 112.

В 1912—1913 гг. в течение двенадцати месяцев в МАЭ работал датский этнограф, сотрудник Королевского музея Копенгагена (Национального музея Дании — НМД) Гудмунд Хатт (G. Hatt, 1884—1953). Он занимался сравнительным анализом типов одежды народов Сибири и Америки [Hatt 1914]. После возвращения на родину Г. Хатт отправил в МАЭ коллекцию из 28 номеров по куль-

туре эскимосов Западной Гренландии (№ 2350). По просьбе В.В. Радлова он договорился с администрацией Датского колониального правления о сборе коллекции по эскимосам Гренландии, которая была доставлена в Копенгаген в 1914 г., но получена МАЭ только в 1924 г. (№ 3044). Покупку этой коллекции оплатил меценат из Лейпцига Ганс Мейер.

В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти МАЭ получил 15 археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов [Ершова, Корсун 2005: 32–34]. В свою очередь в Буэнос-Айрес были отправлены не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965а: 133]. В дальнейшем Х.Б. Амбросетти оказал содействие участникам второй русской экспедиции, которые работали в Латинской Америке в 1914–1915 гг.

Б.В. Лукин отметил: «Весной 1913 г. в Петербурге была изготовлена новая серия скульптурных изображений представителей народностей Сибири. Эти фигуры, выполненные из бисквитного фарфора по формам работы художника П.П. Каменского, предназначались для аргентинского музея. <...> В свою очередь, Амбросетти вместе с собственными сочинениями послал в Петербург ценные экспонаты, добытые в Парагвае среди индейцев гуаяки, и статью об этом племени, изданную музеем Ла-Платы, коллекцию фетишей индейцев Боливии и собрания предметов из пампы провинции Буэнос-Айрес и внутренних районов страны, материалы по этнографии индейцев Чако и аргентинских гуачо. “Также посылаю предметы с Огненной Земли, — писал он в сопроводительном письме, — подлинные и редкие, ибо индейцы быстро вымирают”. Кроме того, он преподнес музею археологическую коллекцию, присоединив поясняющую ее брошюру своего друга палеонтолога Флорентино Амегино. <...>

9 (22) ноября 1913 г. на заседании историко-филологического отделения Петербургской академии наук В.В. Радлов сообщал: “Профессор Амбросетти, директор Этнографического музея в Буэнос-Айресе, с которым наш музей давно уже состоит в непрерывном обмене, прислал вновь обменный материал — этнографические и археологические коллекции в количестве 314 предметов. <...> Особенно ценны для музея предметы двух племен: она и яган из Огненной Земли, так как в музее эти племена были до сих пор очень слабо представлены”» [Там же: 134].

* * *

Деловые связи с зарубежными коллегами привели к поступлению ряда интересных коллекций. В 1912 г. МАЭ получил из Стокгольма через Лейпциг несколько коллекций из Сальвадора и Коста-Рики из более 270 предметов (№ 1982–1985, 4682, 6741), собранных К.В. Хартманом во время археологических экспедиций 1896–1897 и 1903 гг. В описях к коллекциям указано, что их передал в музей Герман Мейер. В 1913 г. через Г. Мейера поступили интересные коллекции, собранные в 1909–1910 гг. немецким ботаником Эрнестом Улле (E. Ullé) в районе границы Бразилии и Венесуэлы, в междуречье Рио-Негро и Ориноко, среди карибских племен вапишана, арикуна, макуши и ягуа (№ 2136–2139, 2153). В состав этого собрания входят 173 предмета и 57 фотографий (№ 4552). Продолжились деловые отношения и с вашингтонским НМЕИ. В 1913 г. в обмен на коллекцию туркестанской керамики МАЭ получил четыре образца керамики из Панамы (№ 2213) из сборов И.А. Мейниэль (I.A. Maniel) и восемь керамических изделий индейцев пуэбло (№ 2212) из сборов Вильяма Генри Холмса (W.G. Holmes, 1846–1933). Таким образом, в короткий отрезок времени — с 1903 по 1914 г. — между МАЭ и зарубежными музеями был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил несколько тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Соответственно, за них было передано большое количество экспонатов по народам России. Во многом благодаря межмузейному обмену начала XX в. МАЭ стал единственным специализированным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира.

Если до назначения В.В. Радлова директором штат МАЭ увеличивали только в 1836 г., то во время его руководства штат расширяли в 1899, 1902, 1912 и 1914 гг. Благодаря увеличению числа сотрудников в 1912 г. появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен. В 1911 г. после возвращения из Симбирска в Санкт-Петербург К.К. Гильзен передал в музей пару мокасин и сумку индейцев сиу, которые он приобрел в 1893 г. во время командировки в США (№ 1913). К.К. Гильзен серьезно занялся изучением этнографии народов Латинской Америки. Кроме регистрации 6,5 тысяч предметов

и составления описей, он подготовил несколько публикаций по латиноамериканским коллекциям [Гильзен 1916а, 1918]. В марте 1913 г. К.К. Гильзен участвовал в работе X Международного географического конгресса в Риме.

Л.Я. Штернберг одновременно возглавил два отдела — отдел Северной Америки и отдел Сибири и Севера России (другое название — отдел Азиатской России). 6 октября 1912 г. В.В. Радлов назначил Л.Я. Штернберга своим заместителем. Внештатным регистратором американских коллекций с 1910 г. была С.А. Ратнер-Штернберг, в постоянный штат ее зачислили в январе 1917 г. в качестве «помощника заведующего отделом Сибири и Северной Америки». Планировалось, что осенью 1914 г. состоится командировка Л.Я. Штернберга в Вашингтон для участия в XIX Международном конгрессе американистов, но из-за начала Первой мировой войны проведение этого конгресса было отложено.

Одним из главных достижений В.В. Радлова на посту директора было то, что в 1913 г. он добился принципиального решения о возврате МАЭ всего исторического здания Петровской Кунсткамеры [Музей 1925: 7]. В связи с двухсотлетним юбилеем основания Кунсткамеры, 5 марта 1914 г. музей посетил император Николай II, который одобрил решение о возврате музею его исторического здания. Интересно отметить, что это распоряжение было выполнено в 1925 г. уже при советской власти.

Вторая русская экспедиция в Южную Америку (1914–1915)

Вторая русская экспедиция в Южную Америку состоялась в 1914–1915 гг. Наряду с другими научными учреждениями Санкт-Петербурга и Москвы МАЭ принял участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили студенты, интересовавшиеся этнографией, — Генрих Генрихович Манизер (1889–1917) и Федор (Теодор) Артурович Фиельструп (1889–1933), студенты-зоологи Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981), Николай Парфентьевич Танасийчук (1891–1960) и экономист Сергей Вениаминович Гейман (1887–?). Участие МАЭ в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы денег для приобретения коллекций и инструкциями по их сбору и хранению. После прибытия в Аргентину участники экспедиции оказались в сложном финан-

совом положении. В связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Большую помощь исследователям из России оказали русский консул Е.Ф. Штейн и местные ученые, со многими из которых Л.Я. Штернберг встречался на международных конгрессах американистов: директор Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса Х.Б. Амбросетти, заведующий кафедрой антропологии этого же университета Р. Леман-Нитше, директор музея г. Ла-Платы С. Лафоне Кеведо, директор Археологического музея г. Сантьяго М. Уле, директор Музея естественной истории г. Буэнос-Айреса Анхель Гальяро (1867–1934), организатор Службы защиты индейцев Бразилии К.М. Силва Рондон (1865–1958) и др. Х.Б. Амбросетти предложил собирать коллекции и для его музея и выделил на это 400 песо. Р. Леман-Нитше рекомендовал лично доставить все собранные коллекции, так как отправить их багажом — это верное средство потерять коллекции. Во время пребывания в Буэнос-Айресе и Ла-Плате исследователи из России были удивлены бедностью этнографических собраний местных музеев и отметили, что МАЭ располагает более интересными коллекциями по индейцам Южной Америки из сборов А.В. Фрича [Лукин 1977: 166].

На первоначальном этапе экспедиции все ее участники отправились на пароходе из Буэнос-Айреса по рекам Парана и Парагвай в Бразилию на ранчо Баранку-Бранку, куда они прибыли в середине июля 1914 г. 1 августа Ф.А. Фиельструп, Г.Г. Манизер и С.В. Гейман переехали в селение индейцев кадиувео Налике. За десять дней пребывания среди кадиувео С.В. Гейман наменял более 300 предметов и отвез эту коллекцию в Буэнос-Айрес. Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп оставались в Налике в течение двух месяцев. Ф.А. Фиельструп занимался изучением материальной культуры кадиувео, а Г.Г. Манизер — лингвистическими исследованиями. Посетив еще несколько селений кадиувео, они переехали в район города Акидауана, где изучали терено. Здесь они встретились с группой первобытных охотников и собирателей офайе (шавантов) и кочевали вместе с ними в течение недели в период с 17 по 25 октября. За это время Г.Г. Манизеру и Ф.А. Фиельструпу удалось собрать уникальную коллекцию по культуре офайе.

Ф.А. Фиельструп писал: «В штате Сан-Пауло, в Ларанжазиньо, находится главная группа этого племени (около 300 душ).

Группа, с которой мы познакомились, состоит приблизительно из 33 мужчин, женщин и детей.

В 1911 г. сеньор Андриан Метелло, бывший тогда директором Общества охраны индейцев, занялся судьбой этой горстки шавантов, особенно по следующей причине. Дети лесов, живущие главным образом охотой, шаванты, случайно находясь во время своего странствия на земле некоего эстансиера Ж. Рибейра, приняли пасущийся скот за дичь и стали охотиться на него. Рибейра послал вооруженных людей наказать хищников, и те исполнили свой долг, убив нескольких индейцев и забрав в плен трех женщин. Услыхав о расправе, Метелло отправился на эстансию, освободил пленниц и взял всю группу под свое покровительство. Мы встретили шавантов, уже одетых в платье белых, с домашней утварью, заимствованной от них же в некоторой своей части. Благодаря любезности Метелло нам удалось провести с ними около 8 дней на их пути из города Акидауаны в упомянутое имение, лежащее на реке Нисак, где, по желанию их покровителя, они должны начать оседлую жизнь» [Шпринцин 1952: 48–49].

Достигнув побережья реки Парагвай, Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп приобрели две лодки, связали их вместе и отправились вниз по течению к ранчо Баранку-Бранку, до которого было более двухсот километров. 30 октября налетевший шквал перевернул лодки. Утонула часть коллекций и дневников, сами этнографы спаслись буквально чудом. С помощью парагвайских пограничников они добрались до Баранку-Бранку, откуда в период с 12 по 17 ноября совершили несколько поездок для сбора новых коллекций к кадиуево и терена в селение Бананаль. Еще одну неделю Ф.А. Фиельструп провел у этих индейцев в декабре 1914 г.

Для дальнейших исследований Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп переехали в штат Сан-Паулу на пост Службы защиты индейцев «Виллу Каинган». Так как средств на приобретение новых коллекций осталось очень мало, было решено, что один продолжит исследования среди каинган, а другой отвезет имеющиеся коллекции в Рио-де-Жанейро и оттуда возвратится в Россию. Бросили жребий, Г.Г. Манизеру выпало остаться среди индейцев, а Ф.А. Фиельструпу — отвезти коллекции. Часть багажа еще ранее была оставлена в Баранку-Бранку. Однако судно, на котором возвращался Ф.А. Фиельструп, прошло без остановки мимо этого селения. Прибыв в конце декабря 1914 г. в Буэнос-Айрес,

Ф.А. Фиельструп безрезультатно ждал полтора месяца доставки коллекций, а затем принял предложение Х.Б. Амбросетти отправиться в путешествие вокруг Южной Америки на военном судне «Президент Сармьенто». Он был назначен представителем Этнографического музея Буэнос-Айреса и должен был заниматься сбором коллекций. Судно находилось в плавании в течение восьми месяцев, останавливаясь только в крупных портах на несколько дней, поэтому деятельность Ф.А. Фиельструпа была малоуспешной. В Патагонии он приобрел несколько наконечников стрел, ступу и пест для растирания зерен и два бола для охоты на птиц. На Огненной Земле раскопал холм кухонных остатков и нашел несколько сломанных костяных наконечников гарпунов. В Перу раскопал несколько древних могил, где обнаружил керамические изделия, а у местного крестьянина купил несколько кусков материи с орнаментом, также выкопанных из могил. По возвращении в Буэнос-Айрес в октябре 1915 г. Ф.А. Фиельструп передал эти коллекции Х.Б. Амбросетти, прекрасно сознавая, что они вряд ли смогут компенсировать затраты его пребывания на борту судна.

Г.Г. Манизер в течение двух месяцев, с 21 ноября 1914 г. по 28 января 1915 г., провел успешные исследования среди каинган. В частности, он отмечал, что собранная им коллекция гораздо многочисленнее и интереснее, чем аналогичное собрание музея Сан-Паулу. Каинганы только в 1912 г. вышли из джунглей и полностью сохраняли традиционную культуру, ни один индеец не знал португальского языка. Из «Виллы Каинган» Г.Г. Манизер совершал кратковременные поездки в другие районы. В период с 16 по 18 декабря 1914 г. и с 14 по 20 января 1915 г. он дважды посетил селение Арариба индейцев гуарани (кайюа), где приобрел лук со стрелами и отдельные предметы шаманского культа.

В феврале 1915 г. Г.Г. Манизер посетил Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. При помощи русского посла в Рио-де-Жанейро Петра Васильевича Максимова (1854—1915) он предпринял экспедицию к ботокудам, среди которых провел полгода. В сентябре 1915 г. Г.Г. Манизер возвратился в Рио-де-Жанейро. Он осмотрел Национальный музей Бразилии и обменял дублетные предметы ботокудов на небольшую коллекцию по индейцам намбиквара из сборов 1912 г. Эдгара Рокетте-Пинто (1884—1954). Намбиквара считались канныбалами. Впервые они вступили в контакт с бразильцами

в 1909 г., и в то время предметы их культуры были большой редкостью.

Что касается других участников экспедиции, то С.В. Гейман в сентябре 1914 г. возвратился в Буэнос-Айрес, затем он совершил объезд славянских поселений Аргентины и Парагвая, где рассказывал о России и выступал с докладом «Моя жизнь среди дикарей» о десятидневном пребывании среди кадиувео селения Налике. С января по май 1915 г. Гейман занимался изучением арауканов в Чили, а также посетил Огненную Землю, где собрал интересные коллекции по культуре она (селькнам и хауп) и яганов (ямана). В дальнейшем С.В. Гейман предпринял экспедицию в Перу и Боливию для изучения индейцев матако, тоба, чороте. И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук провели этнографические исследования среди гуарани Парагвая. В течение всего срока работы экспедиции ее участники поддерживали связи с Л.Я. Штернбергом и получали от него инструкции по сбору коллекций [Лукин 1977].

Всего участники экспедиции собрали более 750 предметов по всем вышеупомянутым народам, а также путем обмена и в качестве подарков получили небольшие коллекции по другим племенам. В порядке перечисления укажем собирателей, от которых МАЭ получил коллекции через участников второй русской экспедиции: 37 предметов намбиквара от Э. Рокетте-Пинто (№ 2538), мужской пояс ленгуа от миссионера Г. Уиттингтона (№ 2560), накидка для лошади теуэльче от эмигранта из России Ю.И. Козловского (№ 2559), керамический сосуд из долины Кальчаки (№ 2376) от православного священника в Буэнос-Айресе Константина Гавриловича Изразцова (1865–1953). При тех незначительных средствах, которые МАЭ выделил на приобретение коллекций, результат превзошел все ожидания. После возвращения Г.Г. Манизера в Санкт-Петербург в октябре 1915 г. В.В. Радлов принял его на временную работу в отдел Центральной и Южной Америки для регистрации коллекций [Отчет 1917: 2]. Ф.А. Фиельstrup также поступил на работу в МАЭ, но позднее, в 1916 г., после окончания университета.

Г.Г. Манизер за год работы в музее написал монографию об экспедиции Г.И. Лангсдорфа и занимался обработкой своих полевых материалов. Он подготовил к печати статьи о ботокудах, музыкальных инструментах индейцев Бразилии, индейцах каинган штата Сан-Паулу [Манизер 1916, 1918, Manizer 1930] и обзорную

статью о своих исследованиях в Южной Америке [Манизер 1917]. В конце 1916 г. Г.Г. Манизера призвали в армию. Как немца по национальности, его не отправили на германский фронт, но он выразил добровольное желание участвовать в боевых действиях и был направлен на румынский фронт. В мае 1917 г. Г.Г. Манизер заболел сыпным тифом и скончался через полтора месяца в возрасте 27 лет. Л.Я. Штернберг писал в его некрологе: «По возвращению в Россию в разгар войны он <...> принялся за обработку своих материалов и успел подготовить почти все к печати, в том числе даже обширный лингвистический материал, несмотря на то что за это время ему пришлось отбывать воинскую повинность и жить в казарме простым рядовым» [Отчет 1918: 4–5].

Ф.А. Фиельструп родился в Санкт-Петербурге, его отец был датчанином, мать — англичанкой. Соответственно уже в детстве Ф.А. Фиельструп владел несколькими европейскими языками. «Этот датчанин вполне обрусел, но все же в нем сказывалась его скандинавская кровь. Он был чрезвычайно деликатен, аккуратен, как-то особенно изящен. К общественному движению Федор Артурович относился сдержанно...» [Анциферов 1992: 207]. В 1908 г. Ф.А. Фиельструп поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь он подружился с С.И. Руденко, который поступил в университет раньше. На базе университета работал географический кружок, где читал лекции Л.Я. Штернберг, под его влиянием Ф.А. Фиельструп увлекся этнографией. По возвращении из экспедиции в Южную Америку в течение года он учился в университете. Затем полтора года работал в отделе Центральной и Южной Америки как штатный сотрудник. В 1918 г. перешел на работу в Комиссию по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран. В дальнейшем работал в этнографическом отделе Русского музея и занимался изучением этнографии киргизов и казахов. В отличие от Г.Г. Манизера результаты своих южноамериканских исследований Ф.А. Фиельструп не публиковал. Н.Г. Шпринцин под своей фамилией опубликовала очерк Ф.А. Фиельструпа «Шаванты» [Шпринцин 1952: 47–55], а Э.В. Зиберт ввела в научный оборот его рисунки на теле индейцев кадиувео [Зиберт 1955: 370–384]. В настоящее время благодаря сотрудникам отдела Америки основная часть полевых материалов Ф.А. Фиельструпа опубликована [Дридзо 2000].

Музей в период двух революций

После февральской революции 1917 г. В.В. Радлов разрабатывал проект создания Государственного музея антропологии, этнографии и археологии на базе МАЭ и этнографического отдела Русского музея. В частности, он планировал сосредоточить в одном учреждении этнографические, археологические и антропологические коллекции из всех музеев Петрограда. А.М. Решетов писал об этом проекте: «Может быть, В.В. Радлов прозорливо предугадывал возможность гибели коллекций, особенно на периферии и в частных собраниях, и потому ратовал за объединение всех коллекций этнографического, археологического и антропологического профиля в едином Государственном Музее. Однако нельзя не признать нереальность самой идеи передачи соответствующих коллекций в него из таких музеев, как Эрмитаж, Русский или Артиллерийский. Да и едва ли само конкретное время способствовало рассмотрению этого вопроса, а тем более его практическому решению» [Решетов 1997: 36].

Тот факт, что актуальные идеи реализуются, несмотря ни на какие трудности, в дальнейшем был подтвержден на практике. В 1930 г. МАЭ получил американские этнографические коллекции из ЦВММ, Военно-морского училища, Строгановского дворца-музея, в 1931 г. — из музея Академии художеств, в 1932 г. — из Государственной академии истории материальной культуры и Ленинградского государственного университета, в 1938 г. — из Государственного музея этнографии народов СССР, в 1951 г. — из Артиллерийского исторического музея, в 1955 г. — из Музея искусства народов Востока, в 1959 г. — из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В Петрограде в октябре 1917 г. большевики свергли Временное правительство, захватили продовольственные склады и винные погреба, освободили из тюрем политических и уголовных заключенных, ликвидировали жандармерию, оставили свободную продажу оружия. После таких «реформ» в Петрограде начались грабежи и разбои. Зимой 1918 г. из-за дезорганизации системы управления в городе начался голод. Одновременно количество членов ВКП(б) увеличилось в несколько раз. Это объясняется тем, что продовольственные пайки выдавались только членам большевистской партии. Десятки тысяч человек пытались вырваться

из голодающего Петрограда. Очередь к Николаевскому (Московскому с 1924 г.) вокзалу заполнила весь Невский проспект и не уменьшалась в течение нескольких недель. В феврале 1918 г. дипломатические представительства США, Великобритании, Франции и других стран переехали из Петрограда в Вологду и уже в марте под охраной «латышских стрелков» большевистское правительство бежало из «колыбели революции» в Москву.

Положение сотрудников музея зимой 1917–1918 гг. было очень тяжелым, приходилось работать в неотапливаемых помещениях, всеобщая карточная система распределения продуктов только начинала формироваться. 12 мая 1918 г., не выдержав лишений и голода, на 82-м году жизни скончался академик В.В. Радлов. Подводя итоги его работы, Л.Я. Штернберг писал: «Прекрасный организатор, подлинный “ловец людей”, он в то же время обладал талантом практика в отыскании “путей и средств”. С такими талантами, умноженными счастливым даром долголетия, за 25 лет своего управления ему удалось добиться совершенно исключительных результатов. Застав штат из одного наемного консерватора и сторожа, он оставил музей с составом в 14 квалифицированных хранителей. Количество коллекций возросло во много раз. С трудом отвоевывая у правительства самое необходимое, он привлек в России и за границей частных жертвователей, на средства которых он расширял помещение музея, выстроил третий этаж, заново обмелировал музей, снаряжал экспедиции и приобретал все новые и новые коллекции. Вместе с тем за этот период радикально изменилась и внутренняя структура музея. Из хранилища коллекций он постепенно превратился в подлинный исследовательский Институт этнографии» [Штернберг 1925: 60–61].

В 1918 г. В.В. Радлов планировал издать очередной, пятый том «Сборника МАЭ» и опубликовать в нем работу К.К. Гильзена об экспедиции И.Г. Вознесенского в Русскую Америку и работу Г.Г. Манизера об экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. Однако в 1918 г. вышел только первый выпуск пятого тома «Сборника МАЭ», посвященный памяти самого В.В. Радлова. Работы К.К. Гильзена и Г.Г. Манизера в сборниках МАЭ так и не были опубликованы. После революции имя В.В. Радлова среди создателей МАЭ отодвинули на второй план, в то время вспоминать заслуги «царского» академика было не принято.